

404
ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ НАЙДЕШЬ

Оля Лукина

404: Если ты меня найдешь

<https://litres.ru/74414279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я приехала в этот город, чтобы начать всё заново.

Новая школа. Новая жизнь. И главное — надежда, что прошлое наконец меня отпустит.

В черной маске я перестаю быть обычной десятиклассницей. Я становлюсь популярной стримершей, забираюсь в заброшенные здания и рисую граффити для тысяч зрителей.

Никто не видит меня настоящую. И я верю, что так будет всегда, пока не появляется он.

Что, если тайна, которая столько времени была моей защитой, теперь становится моей главной уязвимостью?

Содержание

Предисловие.	4
Глава 1.	6
Глава 2.	30
Глава 3.	38
Глава 4.	51
Глава 5.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Оля Лукина

404: Если ты меня найдешь

Предисловие.

Я приглаживаю лохматые волосы, вытираю намокшие глаза. Руки трясутся, но я все равно нажимаю на кнопку записи. Зеленая точка сменилась красной.

— Честно... я даже не знаю, с чего начать. Наверное, вы все уже видели...

Мой голос дрожит. Я замолкаю и сглатываю. Смотрю в камеру, обращаясь к тем, кто увидит это позже.

— Долгое время вы знали меня как LYSS. Но вы не знали, как меня зовут, сколько мне лет и как я выгляжу, — сделав небольшую паузу, я глубоко вздыхаю воздух, закусывая губу. — Наверное, каждый представлял меня по-своему: смелой, бесстрашной, загадочной. Девушкой, которая не боится темноты, высоты, заброшенных мест и неизвестности.

Я замолкаю, потому что хочется рассмеяться. Смелость — это последнее, что я сейчас чувствую.

— Но правда совсем другая. Я не такая. Когда-то я доверилась человеку, рядом с которым, как мне казалось, я могла быть собой. Мне не нужно было думать, как я выгляжу, что говорю или как смеюсь. Но я ошиблась. То, что должно

было остаться между нами, увидели сотни людей. Надо мной смеялись, меня обсуждали. Именно тогда появилась LYSS. А черная маска стала моей защитой. Способом спрятаться...

Я снова смотрю в камеру. Сейчас я должна сказать то, что надо было очень давно.

— Многие писали, что LYSS ничего не боится. Но на самом деле LYSS появилась именно из-за страха. Страх снова стать поводом для насмешек. Страх снова потерять контроль над своей жизнью. Сейчас ситуация снова повторилась. Но иногда жизнь сама заставляет перестать прятаться. Поэтому... сегодня я хочу показать вам, кто я на самом деле.

Я вновь набираю в легкие побольше воздуха, как перед прыжком в ледяную воду. Надеюсь, не захлебнусь.

Глава 1.

Резкий, вибрирующий вой, ворвался в сон, разрывая его, словно дешевую бумагу. Я дернулась, скидывая одеяло и вслепую зашерудила по тумбочке рукой в поисках телефона.

— Черт, — я выдохнула, когда вступление сменилось хриловатым голосом солиста когда-то любимой группы. Кто же знал, что ежедневное пробуждение от этой песни не будет таким же приятным, как ее прослушивание на повторе. А каждый гитарный перебор станет причиной увеличения моего утреннего раздражения.

Но попытка длилась недолго. Победно нащупав пластиковый корпус, я притянула смартфон к себе, успев прекратить этот кошмар до начала припева. Тишина, наступившая вслед за этим, показалась мне благословенной, но обманчивой.

— Алиса, пора вставать, — голос из-за двери резанул по нервам острее, чем будильник, заставив меня натянуть одеяло обратно.

— Она умерла. Примите мои соболезнования, Елена Николаевна.

Дверь с грохотом распахнулась. Не церемонясь, мама уверенно зашагала к окну, отдернув плотные черные шторы, и также молниеносно вернувшись к моей кровати.

— Очень смешно, — безжалостно стянув одеяло, мама ободрительно шлепнула ладонью по моей ноге и тут же на-

правилась к выходу. — Надо было лечь раньше, а не сидеть всю ночь в телефоне.

Спорить было бесполезно. Возможно, и правда не стоило лечь за три часа до будильника перед первым учебным днем в новой школе.

Встав с кровати, я потянулась, чувствуя, как каждый сустав протестует против раннего подъема и побрела в ванную, чтобы после быстрой утренней рутины вернуться обратно к старому шкафу-купе. Игнорируя собственное неряшливое отражение в зеркале, я дернула дверку вбок, сразу натыкаясь взглядом на сиротливо висевшее внутри белое платье. Среди мешковатых и спортивных темных вещей, оно выглядело почти чужеродно.

Недовольно скривившись, я все же вытянула вешалку из шкафа и резко кинула ту на кровать с такой ненавистью, словно она или платье на ней уже авансом испортили мне весь день.

Вчерашний спор с матерью я проиграла вчистую.

Первый день в новой школе, Алиса. Надо хотя бы в него попытаться произвести хорошее впечатление.

Такое перефразирование известной поговорки про одежду, к моему великому сожалению, не терпело никакого оспаривания. Несмотря на все аргументы мама оставалась непреклонна, в конце-концов и вручив мне это недоразумение с требованием надеть.

Я снова тяжело вздохнула, понимая, что выхода нет. Ми-

нута, и вот я уже стою перед зеркалом, в этот раз разглядывая себя с ног до головы. Белое платье делало меня бледнее, чем обычно, а растрепанные после сна волосы смотрелись дико на фоне этого благопристойного наряда. Я провела ладонью по лицу, будто пытаюсь стереть усталость и потянулась за расческой. Несколько четких движений не особо изменили общую картину, но выйти из положения помогли пара, прицепленных наугад, серебристых заколок, и легкий макияж. Криво, но сойдет.

— Алиса! — голос мамы снова догоняет меня уже в прихожей, когда я обуваюсь, закинув сумку на плечо. — Поешь что-нибудь. Целый день же в школе будешь!

— До вечера!

Убежать от очередного спора было легче, чем выиграть в нем, поэтому выскочив за дверь, я быстро спускаюсь по ступенькам лестничной клетки.

Мы переехали пару месяцев назад. Все случилось так стремительно, что я даже не успела осознать, каким образом опустела наша квартира, а мы оказались на вокзале, ожидая поезд «Москва — Верск».

После оживленной столицы, новый город казался подозрительно тихим и нарочно медленным. Раскинувшиеся среди холмов пустые улицы здесь то карабкались вверх между домами, то внезапно срывались вниз. А вместо привычных голубей где-то высоко над моей головой кричали чайки, направляясь к морю, которое было видно почти с любой точки.

Такими разрозненными картинами я успела увидеть Верск из окна такси, пока мы с мамой, кое-как запихнув в багажник свои вещи, ехали домой.

В новой школе я уже была раньше. В первый раз, когда подавала документы, и потом — во второй — на собеседовании с директором. Дорога туда занимала минут пятнадцать, если не застревать на одном из крутых подъемов, где автобусы тяжело взбирались вверх, шумно переключая передачи, а ветер с моря за их окнами вдруг становится особенно заметным.

Уже на пороге школы я почувствовала легкое головокружение. Ладони вспотели. Я неуверенно толкнула дверь и шагнула внутрь. В здании было пусто и тихо. Где-то за несколькими стенами глухо гудели голоса преподавателей и учеников, но ни на лестнице, ни в длинном коридоре с бледными стенами и табличками на дверях не было ни души. Звонок, как назло, прозвенел давно. Я знала это, потому что слышала тот еще на подходе к школе. Вытащив телефон из сумки, я открыла расписание.

Десятый «А». Кабинет 312. Третий этаж.

Коридор делал поворот, потом еще один, после которого я окончательно запуталась в бесконечной череде одинаковых дверей и табличек. Заприметив широкий подоконник у окна, я забралась на него с ногами, прислонившись затылком к нагревшемуся стеклу.

— Эй.

Хрипловатый голос раздался откуда-то сбоку, заставив меня вздрогнуть.

— Че не на уроке? Не видел тебя раньше... Потерялась? — чуть впереди стоял парень с обесцвеченными волосами, выбивающимися из-под красной банданы.

— Да... Где здесь кабинет 312? — опешив, я быстро спрыгнула с подоконника, поправляя платье и наблюдая, как парень делает несколько шагов вперед. По его рукам скользнул солнечный свет, и я заметила, как на них блеснул металл. Почти на каждом из его пальцев поблескивали кольца, а в левом ухе красовалась черная сережка.

Однако больше меня поразило его лицо. Расслабленное, с чуть прикрытыми глазами и широкой самодовольной улыбкой. Словно он кайфовал просто от того, что существует.

— Десятый «А», — не получив ответа, я слегка взволнованно заправила прядку волос за ухо. — Я искала сама, но тут все кабинеты...

— О, так мы теперь одноклассники? — перебил он, и улыбка стала еще шире. — Давай провожу.

Парень чуть склонил голову, разглядывая меня пару секунд с легким прищуром, а потом вдруг резко прихватил за плечо — не грубо, скорее так, будто мы знакомы уже сто лет.

— Я Матвей, — бросил он через плечо, уверенно шагая вперед, не убирая руки. — Ну или можно просто Мотя.

— Алиса, — ответила я, прибавляя шаг, чтобы не отставать. — Алиса Орлова.

— Орлова, — повторил Матвей, будто бы пробуя мою фамилию на вкус. — Красиво. Тебе идет. В отличие от этого платья... Оно, так скажем, явно не твое, что ли...

Природа, видимо, решила пошутить надо мной, когда наградила внешностью, не сопоставимой с повадками и характером. Глазами, например, в которых, как говорят, можно утонуть. Большими, зелеными, которые обычно красиво описывали в дурацких романах. Чтобы хотя бы немного отвести от них внимание, я не так давно осветлила прядку своих длинных выющихся волос. А после, поняв, что это не особо помогает, проколола нос, украсив его септумом с двумя маленькими камушками.

Конечно же, внимание окружающих это не притупило, а наоборот.

Со стороны я казалась уверенной. Может, даже слишком. Наверное, так должен выглядеть человек, который знает, чего хочет и не боится смотреть в глаза. Но это только с виду.

На самом деле, я просто умела держать непоколебимое выражение лица, даже, когда внутри все дрожало.

И пока сверстники глазели на меня с еще большим интересом, я прятала худощавое тело за мешковатой одеждой, натягивая на себя широкие джинсы, футболки и толстовки на пару размеров больше. Так было спокойнее.

Но сейчас это не работало. Под пристальным взглядом Матвея я почувствовала себя еще более уязвимой, чем обычно, от чего щеки начали предательски гореть.

— Можешь, кстати, сесть со мной. Покажу тебе местные порядки. А то замучаешься одна, — не дожидаясь ответа, Матвей толкнул дверь, утаскивая меня за собой в кабинет.

Несмотря на уже давно прозвеневший звонок, в классе было шумно. У доски стояла невысокая женщина в строгом костюме с короткой стрижкой и очками на цепочке.

— Доброе утро, Татьяна Васильевна, Я скучал. Два дня без вас — это просто пытка. Честно. Думал о вас каждую минуту, — раскинув руки в стороны, парень сделал пару шагов вперед навстречу обернувшейся на его крики учительницы.

— Ох, Матвей... Я тоже по тебе скучала. Особенно по твоим опозданиям, — по классу пробежали смешки, а Татьяна Васильевна усмехнулась, заглядывая ученику за плечо и наконец замечая меня, которая пару дней назад еле-еле влезла в проходной балл. — А ты, наверное, наша новенькая? Алиса, правильно? Проходи, не стесняйся. Я как раз собиралась объявить классу, что у нас пополнение.

— Я ее нашел! — в голосе Моти звучала неприкрытая гордость. — Представляете, сидела на подоконнике. Потерялась. Видите, как хорошо, что я опоздал.

Учительница улыбнулась, качая головой:

— Ну, герой. Проходите, садитесь. Алиса, ты пока посмотри свободные места, где тебе было бы удобно?

Медленно пройдя вслед за Матвеем вглубь кабинета, я осторожно прислушалась к перешептываниям и смешкам, волной прокатившимся к задним партам. Разглядывали ме-

ня с неприкрытым любопытством, несколько человек улыбнулись, но большинство как будто и вовсе не придавало значения такому важному для меня событию.

— Так, класс! — Татьяна Васильевна хлопнула в ладоши, привлекая внимание. — Доброе утро. У нас, как вы поняли, новенькая, Алиса Орлова. Переехала из Москвы. Надеюсь, вы встретите ее дружелюбно и поможете освоиться. А теперь открывайте тетради...

Сев за последнюю парту, я выдохнула и посмотрела в окно. За стеклом кружили чайки, где-то вдалеке блеснуло море. Казалось, что и этот город, и эта школа, и этот странный парень с кольцами — все это какой-то неправильный сон, из которого я вот-вот должна была проснуться.

Как и ожидалось, день тянулся бесконечно. Я практически не слушала учителей, механически записывая что-то в одну и ту же тетрадь, изредка переводя взгляд на настенные часы.

— Ну что, Алиса Орлова, — к концу пятого урока Матвей резко вскочил, оперевшись рукой о парту, от чего кольца тихо звякнули. — Пойдем?

После похода в столовую пару уроков назад, я уже поняла, что новому приятелю едва ли нужно мое согласие. Возмнив себя гидом, он каждую перемену таскал меня по разным уголкам школы, рассказывая местные сплетни. В этот раз в качестве достопримечательности выступила курилка.

Она находилась в небольшом проеме между школой и забором, куда мы прошмыгнули мимо седого охранника.

— Видала? — остановившись, Мотя кивнул на кирпичную стену, покрытую слоями граффити. В центре, на уровне его груди черным маркером было выведено «Гришаня RIP». Буквы были немного неровными, но надпись выглядела свежей. Ее явно периодически обновляли. Чуть ниже, я заметила маленькие темные пятнышки. Кровь. Старая и почти въевшаяся в камень. — Здесь два года назад одного пацана нормально так отмудохали. Вон даже кровь осталась.

Я сглотнула, втягивая запах сырости носом и слегка нахмурилась, глядя на Матвея:

— И за что его так?

— А хрен его знает, — парень пожал плечами и слегка наклонил голову снова разглядывая надпись. — Может наговорил чего лишнего, может девочку не поделили. Мне Егор так и не рассказал.

Он замолчал, а потом добавил чуть тише:

— Но приколы в том, что они друзьями были. Ну, знаешь, там выросли в одном дворе, в футбол вместе гоняли... А потом — раз, и все.

Я перевела взгляд с надписи на него. Лицо Матвея снова стало тем же — расслабленным, почти довольным, будто он рассказывал что-то забавное, а не историю о предательстве.

— И что с ним сейчас? — я почувствовала, как в животе свернулся нервный комок. — Он живой? Надпись интерес-

ная такая.

— А я не говорил? — Матвей усмехнулся и достав из кармана пачку сигарет, выбил одну и поднес к губам, но, прежде чем закурить, протянул ее мне. Я, не раздумывая, взяла и, прикурив от его зажигалки, глубоко затянулась. Горький дым неприятно обжег горло. — Он же со мной в прошлом году сидел. Гришаня. После этого случая батя его в Лондон отправил. Якобы там безопаснее.

— Ты серьезно? — я уставилась на него, не веря своим ушам. Я едва ли могла подумать, что кто-то в этой глубинке способен на такие резкие перемены в жизни.

— Абсолютно. Я на него в Линке подписан до сих пор. Вижу иногда его пафосные фотки — Биг-Бен, дорогие рестораны. А у нас тут только такая память осталась.

Затушив окурок, он повернулся ко мне и в его взгляде мелькнуло что-то странное, почти насмешливое.

— Как тебя в Линке найти, кстати? Могу скинуть, поглядишь на него. Будешь знать, куда мечтать.

— В линке? — настороженно приподняв бровь, я сама поразила своему актерскому мастерству, увидев удивленное лицо Матвея напротив.

— Да ну, Орлова? Ты вроде из Москвы приехала, а не из глухой деревни. Как можно не знать Линк?

Сделав последнюю затяжку, я пожала плечами, выпуская дым в сырой воздух:

— Я предпочитаю живое общение. А в соцсетях все пона-

рошку. Люди строят из себя тех, кем не являются. Мне для этого школы хватает.

Матвей усмехнулся, снова бросил взгляд на мое платье. Здесь, в темном уголке за школой оно как будто нарочно казалось еще белее.

— Ладно. Давай хотя бы номерочками обменяемся. Вдруг снова потеряешься.

Я чуть заметно улыбнулась, но ничего не ответила.

— Погоди. А мемы? Ты хоть знаешь, что это такое?

— Да я знаю, что такое мемы! — Из моего рта вырвался смешок.

Матвей, наблюдая за тем, как я пыталась сохранить серьезный вид, спросил с нескрываемым любопытством:

— Слушай, а чего вы вообще переехали, если не секрет? Не обижайся, но наш городок-то по сравнению со столицей почти деревня.

— Родители развелись. И пару недель назад мама сказала... — я осеклась, прокручивая в голове недавние воспоминания. Странно пересказывать это все незнакомому парню. Едва ли ему интересно, как именно рухнула наша семья. Как ушел отец, а мы собрали чемоданы и уехали в этот тихий чужой город, оставив позади все, чтобы было родным.

Матвей, кажется, заметил мое замешательство, но не давил, молча ожидая продолжения. В этот момент в кармане рюкзака завибрировал телефон, который молниеносно оказался в моей руке.

2 непрочитанных уведомления.

Link

Mariaaaa_Volkova: Ну как первый день в школе?

Mariaaaa_Volkova: Много пацанов симпатных? :))))

Mariaaaa_Volkova: Отправил(а) фото.

Я улыбнулась, глядя в экран. Маша, оставшаяся в Москве, была моим последним островком стабильности. Мы подружились еще в средней школе и с тех пор были не разлей вода. Прямо как парни из недавней истории Матвея.

Отодвинув неприятные ассоциации, я быстро застучала пальцами по экрану, печатая подруге ответное сообщение.

— Че такая счастливая? — голос Моти раздался слишком близко, и я почувствовала, как он повис над моим плечом, пытаясь заглянуть в экран.

Я резко заблокировала экран, поворачиваясь к однокласснику с настороженным видом.

— Ого, — Матвей усмехнулся, делая шаг назад и поднимая руки в пораженческом жесте. Его кольца блеснули в тусклом свете. — Экран потух быстрее, чем я успел моргнуть. Ты сто процентов что-то скрываешь, Орлова.

— Просто подруга написала. Ничего такого.

— Ага, подруга... — саркастично протянул Матвей, поворачиваясь в сторону автобусной остановки. — Пошли, подруга, покатаю на местном транспорте.

Согласившись, я дала Матвею возможность отойти чуть вперед и быстро напечатала ответное сообщение подруге.

Link

LYSS: Как буду дома наберу!

Едва переступив порог квартиры, я с тихим щелчком закрыла за собой дверь. Сумка с глухим стуком упала на пол прихожей и, медленно стянув с себя ботинки, я направилась в спальню.

В квартире было тихо, видимо, мама все еще не вернулась с работы. Рухнув на кровать, я почувствовала, как матрас мягко продавился под моим весом, словно впитывая всю усталость. Я лежала неподвижно, уставившись в потолок, прислушиваясь к тишине квартиры и пытаясь разложить по полочкам произошедшие за день события. Первый учебный день был не таким страшным, как я ожидала, но все равно выматывающим.

Я закрыла глаза, но через пару минут, перевернувшись на бок, разблокировала экран и набрала номер.

— Привет! Извини, не могла сразу ответить.

— Наконец-то! Ну как ты там? Привет! — радостный голос подруги прозвучал так громко, что я невольно отодвинула телефон от уха и поморщилась, улыбаясь.

— В целом все хорошо, только опоздала.

— Не удивлена. Как одноклассники?

Я вздохнула, и слегка поджала ноги, смотря в потолок, будто там можно было найти ответ.

— Пока толком ни с кем не успела пообщаться. Только с

соседом по парте. Матвей зовут.

— Красивый?

— Не знаю... Тебе бы, наверное, понравился. Ты любишь таких... энергичных, — я рассмеялась и перекатилась на спину, закидывая руку на лоб.

— Та-а-ак...

— Да перестань, — я снова засмеялась. — Он просто забавный. Провел мне сегодня экскурсию по школе. Может я бы и дальше общалась с ним время от времени.

— Время от времени? Значит все-таки понравился? — подруга усмехнулась, заставив меня снова закатить глаза.

— Да не начинай. Я пока не думала об этом. Сегодня же был всего лишь первый день. Я просто плыла по течению, — я на секунду замаялась. — Вообще, я думала, будет хуже.

Я медленно поднялась и переместилась на край кровати, посмотрев в сторону окна, подбирая слова.

— После Москвы тут все такое медленное... и море рядом. Как будто я приехала в бесконечный отпуск.

Лес вокруг намеренно поглотил все звуки города, оставив только редкие шорохи и дыхание ветра. Здесь, вдали от уличных фонарей, на небе отчетливо было видно звезды. Я стояла у края старой дороги, где асфальт давно потрескался, уступив место молодой траве. Впереди, среди деревьев, возвышалось заброшенное здание — массивное, когда-то величественное, теперь словно забытое временем. Его фасад с

колоннами и арочными окнами выглядел чужеродно в этой лесной глуши, будто кто-то просто перенес сюда кусок разрушенного города и оставил умирать.

За несколько часов до этого мама неохотно, но все же согласилась отпустить меня на ночную прогулку по окрестностям. Во время получасовых уговоров, она смотрела на меня настороженно и внимательно, как умеют только матери, но усталость взяла свое — и она кивнула. «Только недолго и напиши, когда вернешься», — сказала она, уже возвращаясь к своим делам, не подозревая, что «прогулка по городу» на самом деле ведет в лес, туда, где нет ни фонарей, ни людей.

Телефон в руке подрагивал от холода. На экране уже был открыта вкладка со стримом. Я натянула балаклаву с головы на лицо, поправила прорези для глаз, чтобы те не сползли на веки. Глубоко вдохнула, на секунду оглянулась на темную линию деревьев за спиной и нажала на кнопку «Начать эфир».

— Всем привет... — я тут же заставила себя улыбнуться, хотя под маской этого все равно не было заметно. — Я сейчас в очень необычном месте. Вы не поверите, куда я забралась.

Камера дрогнула и поднялась, показывая фасад заброшенного здания. Ветер прошелся по листьям деревьев, и где-то в глубине леса что-то тихо треснуло, будто ответило на мои слова.

— Перед нами заброшенная гостиница. По поводу ее закрытия ходит много слухов, — я медленно перевела каме-

ру на темные окна второго этажа. — Одни говорят, что она просто стала нерентабельной. Другие уверяют, что после одного странного случая отсюда начали массово увольняться сотрудники, а потом гостиницу закрыли совсем. Документов почти не осталось, так что теперь это место обросло десятками легенд.

Я переступила через перекошенный дверной проем. Тяжелая металлическая дверь давно сорвалась с петель и лежала у стены, почти полностью скрытая слоем листьев и пыли.

— Но, очевидно, мы пришли сюда не страшилки слушать. Я нашла идеальную стену на первом этаже — старый холл с колоннами. Ночной свет туда падает как раз так, что краска будет смотреться нереально. Пойдемте смотреть, а заодно разведем обстановку.

Gde_ya: Мы скучали!!!

Probablysleeping: Давно не выходила.

Zzkich: Это где.

— Привет, привет... — продолжила я уже увереннее, шагнув ближе к входу. — Да, давно, сейчас возвращаюсь в прежний режим. Что рисовать — пока секрет, но эскиз у меня с собой.

Я переступила через перекошенный дверной проем. Тяжелая металлическая дверь давно сорвалась с петель и лежала у стены, почти полностью скрытая слоем листьев и пыли.

Внутри сразу стало еще холоднее. Луч фонарика освещает

тил широкий вестибюль. Потолок местами обрушился, и сквозь огромные проломы виднелось ночное небо. На полу валялись куски штукатурки, сгнившие деревянные балки и осколки стекла. Когда-то здесь была мраморная плитка, но теперь ее покрывали толстый слой грязи, мох и тонкие корни деревьев, пробившиеся сквозь трещины.

Справа тянулась длинная стойка, напоминавшая стойку регистрации. За ней стояли покосившиеся металлические шкафы с вырванными дверцами. На одной из стен еще угадывались выцветшие таблички, но буквы настолько стерлись, что прочитать их было невозможно.

Я навряд ли была здесь первой. Поверх старой облупившейся краски наслаивались десятки разноцветных надписей, тегов, дат посещений, уходившие на несколько лет назад. Между ними попадались стрелки с подписями «крыша», «подвал», «опасно» и просто бессмысленные каракули, оставленные очередными любителями заброшек.

— Ну да... — я усмехнулась, проводя камерой вдоль стены. — Все самые интересные места уже давно нашли до нас. Каждый мой шаг отзывался глухим эхом.

— Вау... — мой голос невольно перешел на шепот. — Она гораздо больше, чем я ожидала.

Я медленно повернула камеру, показывая просторный холл. В глубине начиналась широкая лестница с резными перилами. Часть ступеней отсутствовала, а остальные покрывал толстый слой пыли.

Revengehalf: Это похоже на старую больницу.

Piknitt: Не ходи одна наверх.

Нрс2008: Какая атмосфера... аж мурашки.

— Нет, наверх пока не пойду. Сначала посмотрим первый этаж и найдем то место для рисунка. Не переживайте.

Я направила луч света в длинный коридор. Тот уходил в темноту почти идеально прямой линией. По обеим сторонам располагались одинаковые двери. Некоторые висели на одной петле, другие были сорваны. Стены покрывали длинные разводы влаги, а местами штукатурка осыпалась, открывая старую кирпичную кладку.

На полу лежали разбросанные папки, пожелтевшие листы бумаги и остатки деревянной мебели. Почти все превратилось в бесформенную массу после многих лет сырости.

— Если честно... — стараясь говорить бодро. — Я ожидала что-то более устрашающее. Но для граффити тут самое то.

Будто в ответ, где-то далеко в здании раздался глухой металлический удар. Я замерла, как дикое животное, выскочившее на оживленную трассу. Камера едва заметно дрогнула. Несколько секунд слышалось только завывание ветра, проникающего через разбитые окна.

— Это... Наверное, что-то упало от ветра, — произнесла я уже не так уверенно. — Вряд ли кто-то полезет сюда в будний день.

VikKon: Ты тоже это слышала?

Asusual: Это точно был не ветер.

EmojiSmile: Что мешает кому-то не залезть, а жить там??

Я нервно улыбнулась.

— Да ладно вам. Старое здание, тут все время что-нибудь осыпается. Не нагнетайте.

Я сделала еще несколько шагов. Слева оказалась большая комната с широкими окнами. Когда-то здесь, вероятно, был зал ожидания или холл для посетителей. Среди мусора стояли несколько металлических кресел, почти полностью покрытых ржавчиной. На стене висели огромные круглые часы. Стрелок не было. Циферблат пересекала глубокая трещина.

— Вот это место, — я остановилась. — Смотрите, какая стена напротив окон. Свет падает под углом. И поверхность ровная, ляжет хорошо.

Я подошла ближе, провела рукой по штукатурке. Она осыпалась мелкими крошками, но в целом держалась крепко.

— Планировала сделать что-то подобное.

Достала из рюкзака сложенный лист с эскизом, развернула перед камерой.

Nore: Крутяк.

BAGUVIX: Ахах, пафосно, но красиво.

Revengehalf: Начинай уже.

— Делаем, — усмехнулась, складывая эскиз.

Я отложила телефон, прислонив его к ржавому стулу так, чтобы камера захватывала и меня, и стену. Звук встряхивает-

мого баллона — глухой, металлический — разнесся по залу. В ответ где-то в глубине здания снова послышался шорох, будто потревоженное эхо.

Я замерла, прислушиваясь. Тишина. Только ветер гулял по проломам в потолке.

— Нервы, — пробормотала я под нос, но камера, конечно, все записала. Чат взорвался.

Reetok: Опять!

Velkin99: Не нравится мне это.

Katushkkk: Проверь, вдруг кто-то рядом.

— Вы серьезно хотите, чтобы я пошла искать призраков? — я усмехнулась, нажимая на клапан баллона. — Дайте хоть фон нанести.

Струя краски ударила по стене с шипением. Запах ацетона перебил сырость, на секунду заставив забыть о звуках.

Я сделала несколько плавных движений, заливая участок темно-бирюзовым. Краска ложилась ровно, насыщенно, впитываясь в каждую трещинку.

— О, а вот это хорошо... — протянула я, не оборачиваясь к телефону.

Вдруг в коридоре раздался звук. Уже не шаг, а словно что-то тяжелое медленно скользнуло по полу. Скрежет продолжался секунды три, после чего наступила тишина.

Я резко обернулась, держа баллон наготове, как оружие.

— Есть здесь кто-нибудь? — ответом на мой вопрос стало только эхо.

Lesssha: Минус уии.

Dimas111: Мне показалось, что кто-то мелькнул слева.

Noammo: Я тоже видел!

Я быстро глянула на экран.

— Где? Слева, за дверью? Нет... там же ничего...

Я хотела перемотать запись, но рука дрогнула, и телефон чуть не выпал. Из-за качества эфира картинка распадалась на пиксели. Ничего разобрать не удалось.

— Наверное, вам показалось. Здесь что-то с сетью.

Связь действительно упала до одного деления. Изображение подлагивало. Я крепче сжала баллон. Сердце билось быстро — далеко не каждую вылазку такое случается, и, к тому же, чат нагонял жути.

— Вы меня сильнее пугаете, чем звуки в здании. — выдохнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Продолжаем.

Я встряхнула баллон, снова нажала на клапан. Струя краски вырвалась с резким шипением, и я заставила себя сосредоточиться на процессе.

Луч фонарика, пристроенного рядом с телефоном, метался по поверхности, выхватывая мои линии. Я прикусила губу, заставила себя дышать медленнее. Краска пахла остро, перебивая запах сырости. Этот запах всегда помогал мне собраться.

Я начала заливать следующий участок, стараясь вести баллон плавно, без рывков. Но в коридоре снова что-то стук-

нуло — на этот раз ближе, чем раньше. Я вздрогнула, рука дернулась, и струя ушла в сторону, оставив на стене длинную кляксу.

— Да твою же мать! — вырвалось у меня, и эхо подхватило эти слова, разнося их по пустому холлу.

Замерла, прислушиваясь. В ответ — только тишина, но тишина какая-то густая, давящая, будто за ней кто-то прятался.

Снова встряхнула баллон и присела на корточки, чтобы дотянуться до нижней части стены. Краска летела на кирпич, капли попадали на перчатки, на рукава. Я стиснула зубы и продолжала.

Просто рисуй, Алиса. Просто рисуй. Никто не смотрит, кроме нескольких сотен зрителей.

Поднялась, отступила на шаг, разглядывая результат. Фон был готов примерно на две трети.

— Ну что, друзья, — я повернулась к телефону, стараясь улыбнуться, но губы не слушались. — Пока не очень красиво, но это только начало. Хотя, если честно, я сейчас немного на измене. Так что, может, закругляемся?

Я схватила телефон, ногтем соскребла пару капель краски с экрана. И направилась к выходу, стараясь не переходить на бег. Но каждый шаг отдавался в груди гулко, как барабан.

— Вернусь через пару дней, допилим.

Луч фонарика метался по стенам, выхватывая знакомые силуэты дверей и колонн. Каждый раз, когда под ногами хру-

стелю стекло или осыпалась штукатурка, я невольно ускоряла шаг.

— Адреналина на неделю вперед.

Я уже собиралась выйти, когда луч фонарика случайно зацепил стену за шкафом. На ней кто-то оставил надпись. Крупные буквы были выведены черной краской.

«Не спускайся ниже».

— Вот это уже интересно... — Я нахмурилась и подошла ближе. Краска выглядела сравнительно свежей.

EmojiSmile: Это кто-то из сталкеров написал.

BVimpr: Мб пытался предупредить.

Mariaaaa_Volkova: Если есть подвал — туда точно не ходи. Крыша обвалится и все.

— Спокойно. Я не собираюсь бегать по подвалам.

Невольно, мой взгляд поднялся к счетчику зрителей в правом верхнем углу.

— Ничего себе... — я удивленно приподняла брови.

Обычно мои эфиры собирали меньше людей. Видимо, за время отсутствия подписчики действительно соскучились, а необычное место только подогрело интерес.

— Вас уже больше тысячи... Спасибо, что пришли. Даже не ожидала такого.

Чат летел с такой скоростью, что отдельные сообщения едва успевали задерживаться на экране.

LololOL: Мы же говорили, что ждем возвращения!

Nore: Не пропадай больше!

Mariaaaa_Volkova: Это лучший стрим за последнее время.

Наконец впереди показался дверной проем. Я вышла наружу и только тогда позволила себе глубоко вдохнуть. Прохладный ночной воздух показался сладким после ядовитого запаха краски.

— Все, ребят, мы выбрались. Спасибо, что были со мной. Увидимся в среду. Если не приду — значит, меня убили.

Я усмехнулась, но шутка вышла нервной. Еще раз повернула камеру на фасад, параллельно читая сообщения чата. Уже собираясь завершить эфир, я увидела странное сообщение на фоне других.

LUSS: Странно, что ты еще меня не заметила.

Глава 2.

Ледяная вода резко обожгла мое лицо. Смеситель давно был сломан, но это играло мне на руку, учитывая, что я хотел почувствовать хоть что-то. Потерев глаза кончиками пальцев, опираюсь руками о край маленькой раковины, бросив взгляд на свое отражение. Из зеркала на меня пялился уставший тип с темными кругами под глазами и мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Разглядывать его дольше положенного не хотелось — я и так знал, что не найду в нем ничего хорошего.

Не хотелось ничего. Абсолютно. При других обстоятельствах это, наверное, вызвало бы у меня злобу, но злиться было не на что. Не включи я телефон, как только вернулся из школы, сейчас скорее всего наблюдал бы за всплывающими сообщениями. Чат класса буквально разрывало от них каждый день к текущему времени. Кто-то забыл записать домашнее задание, кто-то негодовал после каких-то незначительных событий, произошедших минувшим днем. Другие подхватывали, раздували, порождали новые сплетни и так по кругу. Читать все это не было желания. Отвечать тем более.

В квартире витал уже застоявшийся запах корвалола и тревоги. Дышать им или спертым, как в банке, воздухом было невыносимо. Казалось, что еще немного — и я задохнусь прямо здесь посреди маленькой ванной. Пытаясь хотя бы

немного унять это чувство, тихо скользя в свою комнату, аккуратно закрывая дверь. Окно моей комнаты выходило на навес технического этажа. Магазины на нем менялись каждые два года, и их выцветшие вывески закидывали наверх, кажется, даже не глядя. Прохожие едва ли могли оценить эту выставку современного искусства, но я видел их каждый день — когда просыпался или, вместо сна, вылезая на навес с собственного подоконника. Это было лучше, и в некотором плане даже безопаснее, чем посреди ночи выходить на улицу через дверь и будить бабушку.

Вот и сейчас, перемахнув через подоконник, я мягко приземляюсь на металлические пластины и, сделав несколько шагов, цепляюсь за холодные прутья, сползая по ограждению вниз. В наушниках уже долбил бит, задавая темп шагам. Что-то из русского андерграунда с характерным ему тяжелым басом и хриплым голосом. Будто трек специально создавали в каком-то подвале для таких же глубинок.

Автобусы в это время еще ходили. Или уже. И не надо было быть гением, чтобы понять, что идти к нужному месту, да и возвращаться обратно мне пришлось бы пешком. Знаем — плавали. Именно поэтому, я предусмотрительно сунул за лямки рюкзака скейт, который сейчас с громким стуком бросил на асфальт. Ну, а зачем мне тащиться через полгорода на своих двоих, когда можно было рассекать по пустым вечерним улицам, ловя прохладный от далекого моря ветер лицом?

Скейт слегка прогнулся под моим весом и стертые полиуретановые колеса тихо зашуршали по неровному асфальту, когда я оттолкнулся от него ногой. В таком темпе мне предстояло ехать следующие минут тридцать. Впереди простиралась ровная дорога, подсвеченная редкими фонарями. Но вскоре она сменилась ребристыми кубиками плитки, которые с обеих сторон обрамлял небольшой лес.

Свет кончился сразу за поворотом к нему, будто кто-то щелкнул выключателем. Спрыгнув с доски и снова зацепив ее за лямки рюкзака, я шел дальше практически в полной темноте, держа перед собой телефон, как факел. Толку от этого, если честно, было мало, ведь маршрут я знал наизусть. Когда-то это место было моей личной находкой, теперь же превратилось в очередную точку на карте. Хотя с тех времен поменялось не так много. Здание все еще было заброшено. Охраны в нем, несмотря на все слухи, так и не появилось. Так что можно было спокойно рисовать и не дергаться, что кто-то нагрянет с внезапным визитом или того хуже — вызовет служителей порядка.

Уже отточенным движением, я пролезаю через дыру в заборе, откинув в сторону ржавый лист железа, который валялся на земле, и шагаю внутрь. В нос ударил запах сырости, старой штукатурки и въевшейся пыли. Я усмехнулся, поймав себя на мысли, что такой гадюшник пах в сотню раз приятнее собственного дома.

Невольно, вынимая из уха один наушник, приглушая му-

зыку. Это было правилом, отработанным годами. В темноте музыка всегда кажется громче, а с ней ты и сам становишься наглее. И смелее. Хотя в этих развалинах и без музыки давно было не страшно.

В глубине коридора была небольшая комната. Все стены в ней уже давно были исписаны моими и чужими кривыми каракулями. Все, кроме одной. Ее я, в свое время, почему-то оставил на потом, а другие вандалы по каким-то своим причинам просто обошли стороной. По каким именно для меня было загадкой, потому что едва ли их напугал старый информационный стенд с выцветшими листовками на ней. Так или иначе, он был единственным посторонним объектом здесь. Что ж, пришло твое время, родной.

Приложив усилия и сняв его с прочных металлических крюков, швыряю стенд в дальний угол, невольно морщась от грохота. Звук от разбившегося стекла срезонировал эхом и я на секунду замер, прислушиваясь, в ответ — тишина. Что и требовалось доказать.

Я провел ладонью по поверхности, стряхивая пыль. Идеальный холст. Такой не встретишь во дворах или гаражах — стены там были покрыты толстым слоем штукатурки и краски. Тут же, здание забросили, так и не приступив к полноценной отделке. Может, оно и к лучшему, потому что вряд ли нацеленные на хороший результат строители стали бы вешать доску с объявлениями на голую бетонную стену.

Скинув рюкзак на пыльный пол, расстегиваю молнию. Па-

ра баллончиков, которые я вытащил первыми, звякнули в моей руке, как бутылки в баре. Оглянувшись, замечаю в углу древний табурет, который каким-то чудом все еще стоял на ножках, и подкатив его ближе, бросаю на тот свою куртку. Свободной рукой, достаю из кармана перчатки. Черные и уже покрытые капельками краски. Денег на новые пока не было. Как и на телефон, из которого выдергиваю перемотанные изолентой наушники и, недолго думая, кладу разбитым экраном под свои ноги, предварительно включая фонарик. Пятно света от него тут же выхватывает из темноты посеребривший кусок стены, а музыка, до этого игравшая в моих ушах, начинает рикошетить от него эхом.

Оставив один баллон на куртке, встряхиваю второй, с удовлетворением слыша, как внутри него застучал по стенкам металлический шарик. Словно сердце гонщика перед стартом. Я усмехнулся. Пора.

Струя краски вырвалась из кэпа слишком резко, испачкав стену ярким неровным пятном. Забился. Тихо выругавшись, шурюсь, осматривая мусор под ногами и наконец замечая идеальный для моей затеи предмет: тонкую проволоку, которая тут же оказывается у меня в руках. Да, чистить наконечники посторонними предметами было нельзя, но и пользоваться одним и тем же было не особо желательно. Так что, раз уж мы нарушаем правила, то лучше не ограничиваться одним. Закончив, снова пробую слегка надавить на колпачок и в этот раз краска ложится, как надо. Отбросив

железку, жму снова и веду кистью в сторону. Линия выходит ровной, и голова почти сразу отключается, давая рукам возможность творить. Двигаю ими на автомате, даже не задумываясь, полностью погрузившись в процесс. Намечаю форму головы и капюшон на ней, поджатые плечи и положение рук. Ловлю ритм новой песни и сам не замечаю, как начинаю кивать в такт.

Черные линии постепенно соединяются между собой. Появляются тени под капюшоном, на шее, возле плеч и в других местах, где я намеренно задерживаюсь. Но где-то специально оставляю обшарпанный бетон открытым — так он ставился не просто фоном, а частью рисунка. Постепенно лицо начинает проявляться: острые скулы, опущенный взгляд. Будто человек в капюшоне смотрит куда-то вниз и видит то, чего не видят другие. Несколько широких линий — и фигура обретает объем, начинает давить на пространство.

Спустя полчаса руки устают, но останавливаться не хочется. Каждая новая линия давалась легче предыдущей. Это как разгон на прямой дороге: сначала толкаешь доску, а потом она сама несет.

Отойдя на пару шагов назад, осматриваю работу целиком. В некоторых местах исправляю пропорции, где-то усиливаю тень. Баллончик в руке — как продолжение пальцев. Я уже не думаю, куда вести линию. Она делает это за меня. Снова отхожу, но на этот раз еще дальше. Светлые участки лица резко контрастировали с густыми черными тенями.

Подобрав телефон, замечаю, что от работы в качестве прожектора и магнитофона, он сел до двадцати процентов, высветив предупреждающее уведомление на весь экран. Я даже не пытаюсь рассмотреть сквозь него время. Быстро жму на кнопку согласия с включением режима энергосбережения и вразрез этому действию снова включаю музыку. Плейлист пошел по кругу, но меня это не напрягало.

Закончив, закидываю баллончики обратно в рюкзак, доставая из кармана толстый черный маркер. В отличие от предыдущих, он был моим спутником всегда, занимая почетное место в кармане куртки или джинс. На свободном месте справа от рисунка, рукой дерганно вывожу кэпом свой никнейм. Словно человек, у которого случился внезапный приступ тремора.

К моменту, когда вслед за баллончиками в рюкзак летит почти разрядившийся телефон, в моих ушах звенит, как после концерта. И от этой звенящей тишины даже у меня даже мурашки бегут по коже. Опомнившись, достаю смартфон обратно, быстро делая фото рисунка на память. Он почти сдох, но великодушно позволяет сделать один кадр со вспышкой, отключаясь почти сразу. Успеваю заметить на дисплее замершее время: два часа ночи. Пора валить.

Выхожу тем же путем. Краем глаза вижу, как в одном из окон второго этажа мелькает свет. Слабый, холодный, как от телефона. На всякий случай замираю, прислушавшись. Тишина. Вроде бы.

Может, показалось? Тем не менее срезаю через кусты, намочив кроссовки насквозь мокрой от росы травой. У забора ветка царапает мою руку, оставляя на ней длинную белую полосу, которая через секунду набухает красным.

Скейт под ногами гонит, но уже не так быстро, как раньше. Домой не тянет.

Глава 3.

— Ты скачала, Линк? — спросил Матвей, опираясь плечом о холодные перила.

Мы сидели на холодной ступеньке аварийной лестницы на заднем дворе школы. Подтянув колени к груди, я лениво крутила в пальцах шнурок от толстовки.

— Блин, забыла, — соврала, глядя куда-то в сторону.

— Алиса, ну как так? Я же только недавно говорил.

— Ну... — я пожала плечами, стараясь выглядеть максимально беззаботно. — У меня все равно симка заблокирована после переезда. А новую я еще не купила.

— И как ты живешь? — парень удивленно посмотрел на меня, будто пытаюсь понять, как человек вообще может существовать без работающего номера.

— Нормально.

— Алис, это ненормально, — оттолкнувшись от перил, Матвей легким движением подхватил лежащий на асфальте рюкзак, расстегивая молнию.

Внутри что-то тихо звякнуло — словно парень носил с собой баллончик с лаком для волос, но вопреки ожиданиям, он извлек из него ключи. Следом кучу мелочи, смятые тетради и, наконец, пенал. Раскрыв его, он извлек обычную канцелярскую скрепку.

— Что ты делаешь? — спросила я, наблюдая, как он начал

разгибать ее, превращая в кривоватую проволоку.

Он не ответил. Вместо этого, достал свой телефон и вставил скрепку в маленькое отверстие на корпусе, извлекая сим-карту.

— Вот, — он протянул ее мне и, получив озадаченный взгляд тяжело вздохнул. — Это вторая симка. Бери.

— Зачем тебе две?

Матвей самодовольно ухмыльнулся, кидая рюкзак со всем содержимым обратно на асфальт.

— Для финансовых махинаций.

Нехотя забрав пластиковую карточку, я потупила взгляд, медленно потянувшись свободной рукой к телефону в кармане. Обман, и без того трещавший по швам, мог вот-вот раскрыться и мне следовало продумать шаги отступления, а не вестись на чужие провокации.

— Ну, чего зависла? Вставляй, — Мотя кивнул на мою руку. Подождав пару секунд, парень выхватил телефон у меня из рук, будто поняв, что я нарочно тяну время.

— Эй! — возмутилась я, но он уже ловко открыл лоток, вытащив мою «неработающую» симку и заменив ее своей.

Сердце бешено забилося, когда он, разблокировав экран, начал быстро тыкать по нему пальцами.

— О, так ты все-таки скачала! — найдя нужное приложение, парень удивленно вскинул брови. — А я думал ты меня динамишь просто.

Конечно, по наводке Матвея я ничего не скачивала. Линк

был установлен у меня со средней школы и единственное, что я сделала — это вышла из него перед походом в школу. Вроде бы вышла.

— Так, — он поднял глаза и пододвинулся ближе, будто бы снова забывая, что такое личное пространство. — Имя?

— Что?

— Как тебя записывать? Киска-Алиска? Или придумать что-нибудь интереснее?

— Чего? Погоди, отдай, — Мотя усмехнулся и я, смутившись, выхватила у него телефон.

Теперь подпись «Orlova.a» стояла над несколькими фотографиями в моем новом профиле. Старые снимки, еще с Москвы: пара кадров с прогулок и селфи у зеркала. Под каждым из них через несколько минут неизменно появлялись лайки от одного и того же пользователя — Матвея.

Профиль «Matusha» жил совсем другой жизнью. Под фотографиями, где он с неизменной улыбкой смотрел в камеру, собирались десятки комментариев. Сердечки, признания, шутки и театральные претензии вроде: «Я думала, у нас все серьезно», «Ответь мне уже». Увидев, как я изучаю их, парень только посмеялся.

Ничего не делая, Матвей по какой-то причине цеплял меня. Даже очень. Пусть в своих хайлайтах он без конца что-нибудь вытворял, за что легко и административку могли дать, но, несмотря на это, Матвей не пытался строить из себя что-то. Он был абсолютно простым, хоть и со своими

замашками.

Он мог без конца рассказывать какую-нибудь ерунду. Я смеялась до слез, а сам Матвей уже через пять минут не мог вспомнить, с чего вообще начал свой рассказ. Зато о школьной жизни он помнил все.

Кто с кем встречался, кто кому должен, у кого родители развелись. Он знал, какой учитель принимает домашку без вопросов, а к кому лучше не соваться даже с идеальной тетрадкой. Он знал все лазейки в расписании, все кабинеты, где можно спрятаться от завуча, в какой кабинке туалета никогда не работает замок. Откуда он знает где именно в женском туалете не работают замки, я спрашивать не стала.

«Matusha добавил(а) вас в беседу «КринжА».

Я приподняла бровь, глядя на название, но перешла по всплывшему уведомлению, открывая бесконечную ленту сообщений. Домашние задания в ней сменялись бессмысленными мемами. Локальные шутки, фотографии с каких-то общих прогулок. Прокручивая переписку вверх, я наткнулась на сообщения, появившиеся в день моего прихода:

«Как вам новенькая?».

Ответы были самые разные. И чем-то напоминали ту реакцию, которую она увидела в классе.

«Норм вроде», «Симп», «Никого не смутило, что она перевелась под конец учебного года?».

Под этим сообщением уже красовалось несколько смеющихся реакций, заставивших меня невольно сжать телефон

сильнее.

— Давай короче, запоминай, — видимо, не заметив мою реакцию, Матвей начал в алфавитном порядке нажимать на аккаунты участников беседы, но уже на своем телефоне. — Даня.

Парень на фото позировал с баскетбольным мячом.

— Баскетболист? — я заблокировала экран своего смартфона.

— Как догадалась? Причем он сам тебе об этом расскажет. Минут через пять после знакомства.

— Самооценка высокая?

Матвей кивнул и листнул дальше.

— А это Вика, — на аватарке блондинка стояла перед зеркалом с идеально уложенными волосами. — Она очень добрая, красивая, идеальная. Френдзонит меня с третьего класса.

Я вопросительно посмотрела на него, но парень увлеченно листал фотографии девушки.

— Не конфликтная, дружит с Кристиной, но как я понимаю не особо ведется на ее заскоки. Этим она мне и нравится!

— О, Настя, — подождав пару секунд, Матвей, закрыл профиль одноклассницы, намереваясь, перейти к следующему человеку по списку.

— Комментариев не будет?

— Тут нечего комментировать. Просто Настя. Знает во-

обще все и всех.

— Сплетница?

— Ну-у... — протянул Мотя. — Она называет это «быть в курсе событий». Если завтра мы завтра вдруг поцелуемся, она узнает об этом сегодня.

На фотографии парень кривлялся в камеру.

— Тоха. Если кто-нибудь в классе громко заржал, сорвал урок или случайно подпалил что-то на химии — процентов девяносто, что это он.

— А остальные?

— Что это был я.

Матвей пролистнул ниже.

— Вот. Это Кристинка. Девушка Егора. К ней лучше не лезь лишний раз, она не совсем адекватная. И батя у нее какой-то генерал или майор.

— Красивая, — не уточняя, кто такой Егор, я посмотрела на фотографию, где темноволосая девушка улыбалась в камеру, обнимая огромный букет.

— Ну не знаю, я больше блондинок люблю.

Следующие несколько дней пролетели неожиданно быстро.

Я наконец перестала путаться в бесконечных школьных коридорах. Теперь я уже не сворачивала случайно к кабинету химии вместо физики, знала, где можно сократить путь до раздевалки, а где лучше не идти, потому что там вечно

собирались девочки из параллели.

Я запомнила расписание звонков, лица и имена большинства учителей и даже привыкла к неприятному запаху столовой, который каждый день разносился по всему первому этажу.

Но привыкнуть к людям оказалось сложнее. Наверное, именно поэтому я так быстро привязалась к Матвею. Он почти всегда оказывался рядом. И не только во время уроков, но и после.

Сегодня первым стояла физика, где класс с самого начала утонул в разборе варианта пробника, который может попасться на ЕГЭ. Я сидела чуть боком, подперев щеку рукой. Шнурок кофты крутился между пальцев.

Матвей, сидевший рядом, без особого интереса чертил на полях какие-то угловатые формы. Иногда он останавливался, будто задумывался о чем-то, но через пару секунд снова продолжал рисовать. Он обводил их, закрашивал, снова обводил, чтобы конур стал жирнее. Залипая на на этот процесс, я не заметила, как сзади к нам подошла учительница.

— Матвей, — преподаватель стояла рядом, глядя на его тетрадь сверху вниз. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — он медленно поднял голову.

— Тогда, прошу, к доске!

— Я ничего не обещаю, — парень привстал, смотря на доску так, как смотрят на текст на незнакомом языке — явно не улавливая смысл написанного.

Листы шуршали, ручки нервно постукивали по партам, кто-то уже почти незаметно считал, сколько баллов теряет на каждом следующем задании.

Я смотрела то на Матвея, скребущего мелком по доске, то в лист перед собой и без особого интереса переписывала информацию в тетрадь. Физику сдавать я точно не планировала, поэтому и мозги напрягать лишний раз не хотелось.

— Матвей, ну я могу, конечно, поставить тебе «четыре», — учительница нашла его фамилию в журнале, и посмотрела на Мотю поверх очков. — Но это с очень большой натяжкой.

Матвей резко выдохнул и молча пошел на свое место.

— Я никогда в жизни не сдам эту физику, — он застонал и стукнулся лбом об парту.

— У тебя «четыре», это же хорошо, и вообще, зачем тебе физика? — я заботливо подложила пенал под его голову, когда он поднял ее, намереваясь повторить свое действие.

— Я хочу быть геологом.

— Ты прикалываешься? Геологом? — Я удивленно вскинула брови. — Мне казалось, что ты больше гуманитарий.

— Что такого? — перестав, наносить себе увечья, Матвей выпрямился, поправляя свой незаменимый аксессуар — бандану. — А какая профессия мне больше подходит, потвоему?

— Клоун?

Я улыбнулась, а Мотя несколько секунд смотрел на меня с самым серьезным выражением лица.

— А если на клоуна идти, что на ЕГЭ сдавать надо?

Коридор после третьего урока постепенно заполняется шумом — запах жареного теста, металлический звон подносов, гул голосов, который нарастает с каждым шагом. Очередь на раздаче уже на первых минутах перемены тянулась почти до стены.

Встав в конец, я взяла пустой поднос. Две девочки из параллели, стоявшие передо мной, обсуждали что-то свое, пригибаясь друг к другу через плечо.

— Ты видела, как он вчера... — обрывок фразы затерялся в шуме, а я сделала шаг вперед, чуть прижимая поднос к себе.

Спереди раздался смех — громкий, уверенный. Я машинально подняла глаза, замечая знакомые силуэты: Вика стояла в начале очереди, аккуратно поправляя волосы. Рядом с ней активно жестикулировала Кристина, что-то эмоционально объясняя подруге. Разобрать хоть слово на таком расстоянии, к сожалению, не представлялось возможным.

— Алиска, ты чего как бедный родственник? — Матвей, появившийся словно из неоткуда, ловко подхватил меня под руку, потащив к началу очереди. — Давай, пойдем-пойдем.

— Да я ему говорила уже тогда... Эй, вы тут не одни вообще-то! — перебив сама себя, Кристина возмущенно всплеснула руками, когда парень нагло впихнул меня перед ними, ставя на стол раздачи свой поднос.

— Мы не из злых умыслов, девочки. Торопимся просто, — игнорируя сразу три вопросительных взгляда, включая мой, Матвей деловито начал диктовать свои пожелания полноватой работнице столовой. — Ты что будешь? Угощаю.

— Я? — поймав его самоуверенный взгляд, я слегка быстро пробежалась взглядом по представленной на прилавке еде. — Чай и булку.

— Чай и булку, — повторяет парень и, осекшись, поправляет сам себя. — Две булки.

Переложив, все заказанное на поднос, Мотя кивнул мне в сторону столиков, а сам окликнул Вику, подмигнул и следом кинул ей булочку в пакете.

— О! — догнав меня, парень уже был готов сесть за свободный стол, но резко развернулся, едва не разлив чай. — Пойдем к Егору?

— Кто это? — я огляделась, будто названное приятелем имя уже позволяло мне найти нужного человека.

— А я тебе что не рассказывал? Егор мой лучший друг.

За дальним столом сидел высокий парень в черной толстовке. Он лениво ковырял вилкой картошку и листал что-то в телефоне. Услышав свое имя, он поднял голову и кивнул головой, подзывая друга к себе. Его темные волосы были слегка растрепаны, а направленный на нас взгляд был спокойным и каким-то... тяжелым.

— Живой? — Матвей поставил поднос на стол, присаживаясь рядом.

— Как видишь, — ребята стукнулись кулаками.

— Знакомьтесь. Егор, Алиса. Алиса, Егор, — Матвей взял в руки граненый стакан и громко отпил, поворачивая голову в мою сторону, понимая, что мне нужно особое приглашение. — Чего стоишь? Алиса моя новая...

— Понял, — Егор перебил его на полуслове, заслужив негодующий взгляд.

— ... соседка по парте... Хоть бы дослушал...

— Привет, — игнорируя их легкую перепалку, я смущенно улыбнулась, присаживаясь рядом с Матвеем.

Ответом мне послужил лишь кивок. Матвей, кажется, ничего не заметил, продолжая говорить о своем, но я почти на телесном уровне ощущала себя лишней. В отличие от нашего общего приятеля, Егор не был болтливым. Отвечал короткими фразами и словно нарочно делал вид, что не замечает меня. Зато я за это короткое время уже кажется успела прожечь в нем взглядом дыру. Даже пару раз заметила, как он улыбнулся. Ну, хоть улыбаться он умеет. Может, он просто стеснялся? Или ему было неудобно? Я присмотрелась внимательнее — он не выглядел высокомерным. Скорее наоборот — осторожным, будто держал дистанцию.

— Слушай, — вдруг спросил он Матвея, выводя узоры из остатков еды на тарелке. — Сегодня вечером? Да или не да? Матвей на секунду замялся.

— Не да...

— В смысле? Опять?

— Ну... дела есть.

— Какие?

Матвей прикрыл лоб руками, делая вид что просто держит ими свою голову. Но я увидела, как он что-то тихо прошептал одними губами. Егор прищурился.

— Моть, когда ты успеваешь? — развеев прошлую серьезность, парень усмехнулся.

Они обменялись такими взглядами, что стало понятно: подобные перепалки происходят между ними постоянно. Егор качнул головой.

— Ладно. Если передумаешь — знаешь где искать, — вздохнув, Егор неожиданно встал из-за стола и, обменявшись с другом кивками, направился в сторону выхода из столовой.

Я невольно задержала взгляд на оставленном им подносе.

— Как тебе Егорик? — даже не проводив друга взглядом, Матвей ловко пересел на его стул, усадившись на меня.

— Издеваешься? Он со мной даже не поздоровался, — я нахмурилась.

— Понимаю, твое расстройство. Все девчонки хотят, чтобы он обратил на них внимание, — под самоуверенным взглядом Моти я не сдержала язвительный смешок. — Но не кисни, он же кивнул тебе — это уже не последнее место.

— Ты же это не серьезно сейчас?

— Да забей, правда, — парень посмотрел куда-то за мое плечо, постукивая пальцами по поверхности стола. — Он

просто... такой... И всегда таким был. Вообще он хороший парень. Мы с ним с детства вместе, как он к бабушке переехал, в соседних дворах живем.

— А родители?

— Они вообще не особо участвуют в его жизни, — Матвей буднично пожал плечами. — Отец черт знает где. А мама... там... приколы короче им с бабушкой в детстве устраивала. Пила много. Вот бабушка его и вырастила. Классная, кстати, она меня обожает. Строгая, но смешная.

Не зная, что именно ответить на внезапную историю Моти, я слушала его молча, стараясь соотнести с ней поведение Егора.

— Короче, просто не обижайся на него, — добавил Матвей. — Он со всеми так.

— Даже с тобой? — я удивленно вскинула брови.

— Со мной особенно, — Мотя одним глотком осушил стакан с чаем и продолжил. — Егор из тех, кто не отвечает по три дня, а потом пишет, как будто ничего не произошло.

— И тебя это не задевает?

— Нет, конечно, он же мой друг.

Глава 4.

Квартира встретила меня привычной тишиной, которую разрушил звук от связки ключей, упавшей на пол после неудачного броска в керамическую миску. Вторая попытка была успешнее.

Бабушка в это время всегда была на работе. В ее отсутствие дома шумел только старый советский холодильник в углу кухни. Рядом с ним, на столе, меня ожидаемо ждал ужин. Под клетчатым вафельным полотенцем стояла сковорода с жареной картошкой и котлетами. Рядом, прижатая сахарницей, лежала сложенная вдвое записка:

«Разогрей. Поешь обязательно. Суп в холодильнике.»

Мило. Даже смайлик нарисовала.

Сунув листок обратно под сахарницу, я поставил сковороду на плиту. Бабушка оставляла такие записки почти каждый день, словно до сих пор не могла привыкнуть, что я уже давно сам мог найти и приготовить еду.

Пока газ постепенно начинал нагревать дно старой чугунной сковороды, под тихое шипение картошки, я достал телефон. Экран заляпанный, в каких-то разводах — то ли от воды, то ли от пота. Я протер его о футболку и открыл ленту.

Последние месяцы она почти не менялась и это бесило. С другой стороны, позволяло не заходить в проклятые соцсети как можно дольше, заранее зная, что ничего не поменяется.

День за днем — одни и те же новости, приколы и короткие ролики.

Бесконечный поток случайных лиц, громких заголовков и чужих поддельных эмоций сливался в одно бесцветное полотно.

Вопреки ожиданиям, с противным звуком от уведомления сверху показалось несколько сообщений от Кристины.

Link

K.Koroleva: Мы вечером идем на пляж.

K.Koroleva: Там Тоха сет играет сегодня.

K.Koroleva: Ты будешь?

Savickiii: Не, порисовать хочу.

K.Koroleva: Потом порисуешь.

Она вроде бы все решила, но следом в диалоге тут же появляется надпись: «печатает...». Бегло скользнув взглядом по нескольким строчкам, я отправляю ей в ответ стикер с сердечком — на долгие разговоры и выяснение отношений сейчас не осталось ни сил, ни желания.

K.Koroleva: Егор!

Телефон снова завибрировал. Потом еще раз. И еще. Уведомления посыпались одно за другим, сливаясь в один непрерывный звук. Надо наконец выключить их, звуки раздражают.

Link

*Matusha: *отправил(а) голосовое сообщение (0.15).**

— Как сговорились...

Я положил телефон рядом с плитой и включил голосовое сообщение от Матвея, доставая из сушилки чистую тарелку.

«Чувак, или мне кажется или там реально наши граффити. Вон посмотри на двадцать четвертой секунде и где-то на пятидесятой вроде, что-то такое. Меня глючит?»

Приложением к голосовому сообщению послужил репост — свежая публикация из канала, который собирал все, чем жила сеть последние часы: новости звезд, блоггеров, стримеров и прочих медийных лиц. Ничем не примечательный мусорный контент, под который обычно завтракают.

Публикация за считанные минуты собрала уже сотни комментариев.

Link

Savickiii: Ща гляну.

Камера в руках героини поста заметно дрожала. В кадре уже знакомая стримерша Лусс быстро шла по длинному темному коридору, выхватывая из темноты узким лучом фонаря облупившиеся стены, ржавые двери и разбросанный под ногами мусор.

В отличие от обычных вандалов, Лусс — была девчонкой, рисующей граффити на своих стримах. Подобных в интернете не было, поэтому и интерес к ней был соответствующий.

В локальных кругах ее считали не звездой, а скорее чем-то вроде мема. Райтеры смотрели не на стиль ее работ, а на то, что баллончик держит «баба». Обычный сексизм: вся эта тема про стереотипы, «исторически так сложилось...» и

«граффити — это исключительно занятие мужское». Я сто раз становился невольным свидетелем этих разговоров в курилках и на форумах. И несмотря на весь скептицизм ее ведь все равно смотрели и обсуждали.

Рисовала она действительно хорошо. Видно, что не боится ни высоты, ни объема работы. Как будто действительно занималась этим не для просмотров и лайков, а просто приходила и делала свою работу. Это, конечно, не заслуживало поклонения и фанатизма, но как минимум — уважения.

Быстро перемотав запись назад, найдя указанный Матвеем таймлайн, я взгляделся в изображение. Там, на сером потрескавшемся бетоне отчетливо проступал серебристый флоп с четырьмя буквами «DAUB».

Уголок губ невольно дернулся. Пришлось даже закусить щеку изнутри, чтобы не расплыться в идиотской ухмылке.

Эту работу я оставил здесь еще зимой. Тогда казалось, что рисунок увидят разве что несколько местных райтеров и случайные сталкеры, рискнувшие забраться в заброшенную гостиницу. Краска плевалась из-за низкой температуры, а мои пальцы в тонких перчатках почти ооченели. Еще и топать пришлось почти три километра пешком, потому что автобусы уже не ходили.

Тогда я меньше всего ожидал, что однажды моя работа мелькнет в ролике, который всего за час успела посмотреть едва ли не половина интернета. Ну... половина — это, конечно, с большой натяжкой. Но цифры под видео росли на

глазах.

Видео продолжалось. Лусс что-то рассказывала подписчикам, осторожно заглядывала в пустые номера заброшенной гостиницы, водила лучом фонаря по облезлым стенам и искала место, где можно порисовать. Параноила, оглядывалась на каждый шорох.

Что она вообще делает в Верске? Может это ее я видел тогда в окне?

Впрочем, ответ напрашивался сам собой. Для любого приезжего, решившего исследовать местные заброшки, гостиница была первой точкой маршрута. Ее знали все. После обычно шли на элеватор или в недостроенную больницу. Маршрут был настолько очевидным, что его можно было найти почти в любом обсуждении города. Координаты, советы как лучше обойти охрану.

Вырывая меня из мыслей, телефон в моей руке завибрировал, разрывая тишину, стоящую в кухне рингтоном. Звонил Шмель. Его скидывать нельзя, потом аукнется.

— Горик, в «Свет» пригоняй, срочно, — услышать на той стороне трубки «Привет» было бы праздником, но с каждым разом мне казалось, что я, вероятно, не доживу до этого дня.

— Че случилось? — так и не прикоснувшись к картошке, я вернул вилку обратно на тарелку.

— Если я не отыграюсь, то придется продавать органы.

Едва закончив свое предложение, мой оппонент сбросил трубку. Чудно.

Шмель — один из старших, числившихся в тусовке. Человек-легенда Верска. Ни историю его появления, ни его настоящего имени никто не знал. Даже кличка непонятно откуда взялась. Он едва ли был похож на доброе полосатое насекомое. Худой, жилистый, весь забитый татуировками — рукава на обеих руках, грудь, спина, выполненные в стиле старой школы. Они пестрили яркими цветами, хоть уже и слегка выцветшими от времени.

Шмель был из той породы людей, которые не боятся ни черта, ни Дьявола. Его уважали даже те, кто его не любил.

«Свет» — его детище — бар, стоявший почти на самой окраине города. Поговаривали, когда-то это был дом его отца. Потом Шмель выкупил его у родственников, снес почти все перегородки и сделал место для вписок и концертов местных групп. На первом этаже остались огромные амбарные ворота, которые никто даже не пытался заменить. Внутри все было настолько стремное и обшарпанное, что уже перетекало в какой-то новый стиль.

Туда без вопросов пускали даже школьников. Они, как любил говорить Шмель, тоже люди. Да и выручку приносили исправно. Поэтому полгода назад мы с Мотей уже были постоянцами данного заведения. Сидели за стойкой, пили какую-то кислятину, которую Шмель называл «вишневым лимонадом», хотя по вкусу это явно был чуть разбавленный спирт с сиропом.

Матвей что-то листал в телефоне, комментировал фотки,

пока я залипал на то, как за соседним столом несколько постояльцев доигрывали партию в тexasский холдем. Пятеро мужиков, все при деле, и табачный дым висел над ними как отдельный слой атмосферы. Никто не торопился, даже фишки стучали лениво. Шмель уже почти выбыл — у него осталась жалкая горстка фишек. Я не знал, что у него на руках, но по его лицу все уже было ясно. После очередной раздачи, он и сам еще не смотрел свои карты, но уже сидел серый, как цемент, видимо мысленно прощаясь с своими деньгами и готовый сбросить в пас, лишь бы не позориться.

«Настоящая игра — это люди.»

«Хочешь выигрывать — не смотри на карты.»

Мужик напротив, который до этого выгреб почти все фишки, каждый раз при получении сильной карты, чуть заметно оттопыривал мизинец на левой руке. Заметил я это случайно: просто от скуки разглядывая его руки, пока он тасовал фишки. Но сейчас, когда он глянул в карманные карты, мизинец остался на месте — плотно прижатый к картону. Значит, мусор. Банк был уже жирный, двое других игроков мандражировали.

Я быстро открыл заметки на телефоне и набрал крупными буквами: «ОЛЛ-ИН». Развернув экран в его сторону, подождал, пока Шмель бросит взгляд на меня, и аккуратно помахал рукой — мол, смотри сюда. Он нахмурился, прочитал. На лице — секундное замешательство, но спорить не стал. Сгреб все свои фишки и толкнул в центр. Таким жестом он

мог просто выдавить всех, кто боится рисковать. Даже с разномастными семеркой и двойкой. Оставалось только надеяться, что он сам не обделается раньше времени. А дальше — на флопе выпали две семерки, на терне еще одна. Каре — и я получил репутацию местного экстрасенса.

Шмель в тот день выгреб весь банк. Часть ушла на покрытие долга, а две мятые пятитысячные купюры с его легкой руки оказались в кармане моей куртки.

«На краску. И на жизнь, там... Ты теперь мой талисман, малой».

Тогда я впервые в жизни держал в руках такие деньги. Тогда же я узнал, что талисманы принято таскать с собой во всем значимым местам. Именно поэтому сейчас Шмель позвонил снова, понимая, что отказать я не смогу.

Перед выходом надо было собрать рюкзак, заходить домой после такой вылазки уже не было никакого смысла. Быстро накидав все нужное на пол, я принялся распикировать выбранные вещи по карманам. Сегодня нужно было закончить большой кусок, который я начал несколько дней, до конца оставалось буквально пара часов спокойной работы.

Пара секунд и вот я, натянув через голову старую толстовку, провонявшую краской и пылью, шнурую кеды в темной прихожей.

Перчатки. Респиратор. Фонарь. Несколько кэпов. Баллоны: черный, белый, серебристый, два оттенка синего. Выйдя на лестничную клетку обшарпанной хрущевки, проверяю

каждый из них, оставляя маленькие пятна краски в углу за мусоркой. Черный оказывается почти пустым, но на сегодня должно хватить.

Мысли то и дело возвращаются к другому: последние стримы Alova почти всегда проходили в заброшках Подмосковья. Старые пионерлагеря, санатории, усадьбы, военные части — ее маршрут редко выходил за пределы области. Поэтому появление в Верске выглядело неожиданно.

Серьезно... Неужели она намеренно приехала сюда только ради контента? Стоило ли это того?

«Свет» встретил меня, как всегда, густым смолянистым дымом, который смешивался с запахом дешевого пива и пота. Я кивнул охраннику — здоровому дядьке с нашивкой на рукаве, который вечно сидел на табурете при входе и листал что-то в телефоне. Он же в ответ махнул мне и даже не стал проверять рюкзак, знал, что я не на разборки пришел.

В углу, под тусклой лампой, стоял выдавший виды покерный стол. Когда-то зеленая бархатная ткань, теперь пестрила проплешинами от затушенных сигарет и потертостями тех местах, куда игроки обычно ставили локти.

Сегодня в их число входили Алик и Жека — местные райтеры — друзья Шмеля, не обладающие капиталом, но азартные, как дети. Какой-то незнакомый мужик в темных очках. И... он. Эш.

Эша я узнал сразу. До сегодняшнего дня я видел его лишь раз, и то случайно, когда мы сидели в тачке Шмеля на пар-

ковке у его клуба. Пока я залипал, слушая, как из магнитотолы долбит электронщина, Шмель материл кого-то по телефону. Вдруг он резко замолк, выпрямился на сидении и сказал: «Сиди тихо».

К нам подкатил тонированный джип, такой чистый, что при желании можно было разглядеть собственное отражение. Тогда-то из машины и вышел Эш. Когда он подошел к окну Шмеля, они не обменялись приветствиями или рукопожатиями.

Шмель молча, не вынимая сигареты изо рта, потянулся на заднее сиденье. Там в полутьме уже около часа покоился большой сверток, перемотанный серым скотчем в несколько слоев, такой тяжелый, что мужчина еле поднял его одной рукой. Что там было — история умалчивает, Шмель не комментировал, а я не спрашивал. Такие вопросы задавать бесполезно — он либо пошлет, либо скажет, что не твое дело, и будет прав.

Теперь он сидел в «Свете», вальяжно, закинув ногу на ногу. На его запястье красовались тяжелые серебряные часы, поблескивающие в тусклом свете. Он единственный не пил пиво. Чертов аристократ в спортивном костюме притащил с собой целый набор для чайной церемонии, разместив его на краю стола. Прямо как в боевиках про японскую мафию.

— Это тот самый малой? — спросил Эш, кивнув на меня. Голос низкий, с легкой хрипотцой. Внутри меня что-то екнуло от его холодного оценивающего взгляда.

— Он, — Шмель нервно дернул шеей. — Садись. Партия почти началась.

Я сел напротив Эша. Стопка фишек, оставленных Шмелем, не радовала — осталось мало. Сердце колотилось где-то под горлом, но я старался выглядеть уверенно.

Игра началась. Первые несколько раздач я просто сбрасывал, — смотрел, как играют другие. Ребята нервничали так, что их можно было читать с закрытыми глазами: Алик потирал переносицу, когда блефовал, Жека начинал трясти ногой под столом. Мужик в очках был осторожен, ходил мелко, берег фишки. Эш же играл как машина — холодно, расчетливо, без единой лишней эмоции. Дважды он забирал банк, давил ставками так, что все сбрасывались. Шмель, сутил позади меня и тихо матерился сквозь зубы.

Я ждал.

От духоты начинало мутить. Я сглотнул — горло пересохло, внутри все вибрировало, как тот динамик в тачке Шмеля, когда басы выкручены на всю.

Пришла моя раздача. Карманные карты — король и десятка одномастные. Не джекпот, но я решил: пора. Начал поднимать ставки — сначала мелко, прощупывая почву. Эш сузил глаза и уравнил. Остальные сбросились один за другим. Мы остались вдвоем.

На флопе вышли валет, десятка и туз — все разных мастей, — это давало мне потенциал собрать комбинацию на следующих картах. Но пока что у меня не была только пара

десяток, надежда и пустой банк перед глазами.

Эш молча поставил приличную сумму — фишки легли на стол с тихим глухим стуком. Я посмотрел на его лицо: ни один мускул не дрогнул. Только пальцы чуть сильнее сжали пиалу с чаем. Гармония и просветление.

Я уравниал. В ушах от напряжения звенел противный писк. Фишки двинулись в центр стола, и на секунду мне показалось, что не сбросив, я совершил самую тупую ошибку в своей жизни. Сзади Шмель перестал дышать, а потом выдохнул сквозь зубы:

— Ты че делаешь? — так тихо, чтобы только я услышал.

Эш смотрел на меня секунд десять. Десять бесконечных секунд. Его взгляд сканировал мое лицо, искал трещину, зацепку. Я держал маску, даже не моргал.

Терн — дама.

Сердце пропустило удар. Стрит. Да ну...

Ривер — десятка.

Эш чуть подался вперед, рассматривая доску, а потом снова посмотрел на меня.

— Ставлю, — сказал он, выдвинув вперед небольшую горку фишек.

— Повышаю, — я добавил фишки поверх его ставки.

За спиной Шмель едва слышно втянул воздух. Взгляд Эша скользнул по моим фишкам, затем вернулся к лицу. Он взял несколько своих и медленно подвинул их вперед.

Дилер собрал новый банк. Я положил ладонь на колено,

чтобы не было видно, как напряглись пальцы.

Я вскрылся — король и десятка. Осталось надеяться на чудо, на теорию вероятности, что у Эша нет короля.

Он открыл карты: туз и валет. Две пары.

Я выиграл.

Шмель сзади тихо выругался и выдохнул так, словно из него вынули нож. Я неуклюже собрал фишки: от накатившего облегчения руки дрожали, пальцы не слушались и пара фишек скатилась на пол.

— Далеко пойдешь, малой, — Эш поднялся. Поправил воротник на своей черной олимпийке — медленно, аккуратно. — У тебя редкий талант: ты умеешь ждать и не боишься рисковать. — Он вытащил из кармана визитку — хромированная, металлическая, только номер телефона. — Если понадобится серьезная работа или деньги — звони. Я люблю вкладывать в перспективных.

Она была тяжелая и холодная. Первый раз такое видел. Пальцы все еще дрожали, но я заставил себя кивнуть.

Эш ушел. За ним мужик в очках, который за всю игру так ничего и не выиграл. Дверь за ними закрылась с глухим стуком. В баре сразу стало легче дышать — будто открыли форточку. Шмель сгреб меня в охапку, чуть не раздавив.

— Братан, ты мой ангел-хранитель! Я с тобой в расчете на год вперед!

Его руки видимо тоже тряслись, из-за чего виски выплеснулся через край стакана. Пацаны начали болтать, обсуждая

раздачу и перебивая друг друга, но я почти не слушал. Крутил в пальцах визитку, ощущая ее острые углы.

— А что случилось вообще?

Шмель глянул на меня поверх стакана, дернул щекой и одним глотком допил то, что плескалось через край.

— Я Эшу должен был двести штук. Еще с прошлого месяца. Двести, малой! У меня касса бара столько за два месяца не поднимает даже на малолетках ваших, — он криво усмехнулся.

Шмель откинулся на стуле и закурил. Выпустил дым в потолок, проводив его взглядом.

— Он пришел не играть. Он пришел забирать, — Шмель поставил стакан на стол. — Если бы я не отыгрался, «Свет» бы уплыл. Или мои почки. Или и то, и другое сразу, у него, знаешь, фантазия богатая.

— И ты решил школьника в это втянуть? Ты сливал. Он мог просто добить и забрать свое. Чего ему меня пускать?

— Понимаешь, Горик... У нас с ним особые отношения... не просто «должник и кредитор». Мы знакомы лет семь уже. Он меня пару раз вытаскивал, я ему пару раз помогал помелочи, — поморщившись, Шмель сделал глубокую затяжку. — Мы не то чтобы друзья, но... коннект есть. Когда он заходит в бар, он нос не воротит. Мы с ним нормально сидим, разговариваем. Про жизнь, про город, про людей. Он старше, он выше, у него свой бизнес, свои правила — но он меня слышит. Понимаешь?

Я кивнул.

— И когда я начал сливать, я ему прямо сказал: «Дай мне позвать одного парня. Молодой еще совсем, но он меня однажды уже вытащил. Я при нем могу даже в карты не смотреть — он за меня решит». Эш посмотрел на меня и говорит: «Сколько ему лет?»

Шмель снова затянулся и хмыкнул.

— Ну, я и сказал, как есть. И знаешь, что он ответил? «Если ты в него веришь — зови. Я хочу посмотреть, кому ты доверяешь больше, чем себе». Он уважает чутье. И он уважает тех, кто умеет удивлять.

Шмель, поставив локоть на стол, приблизился чуть ближе.

— Он на тебя смотрел не как на школьника, Горик. Он смотрел как на человека, который может что-то изменить за столом. И когда ты выиграл, он не разозлился. Он оценил, ты же видел. Сечешь?

Я промолчал. Визитка все еще холодила пальцы в кармане. Захотелось достать ее и еще раз рассмотреть, но не при Шмеле.

— Ты ему доверяешь?

Шмель затушил сигарету, потер подбородок, судя по всему, раздумывая.

— Доверяю? Нет. Но уважаю. Он никогда не кидает просто так. Если сказал — сделает. Если дал слово — сдержит. Просто цена его слова иногда бывает выше, чем ты готов заплатить.

— Понял.

— Вот и славно, — он хлопнул ладонью по столу. — А теперь вали раскрашивать свои стены. Мне тут бар закрывать, эти два дятла уже все равно ничего не закажут.

— Эй! Мы вообще-то ждали, пока вы закончите, — Алик обиженно поднял голову от телефона.

Я встал, закинул рюкзак на плечо. Шмель поймал мой взгляд и добавил уже тише:

— Спасибо, Горик. Seriously. Без тебя я бы сегодня отсюда вышел без штанов.

— Будешь должен.

— Уже должен. Год бесплатной жрачки.

Через двадцать минут я уже тащился вдоль старого бетонного забора завода, мешая кроссовками грязь.

Огромные корпуса темнели впереди. В некоторых окнах еще каким-то чудом держались мутные стекла, но большинство проемов давно превратилось в черные провалы. Территория была под охраной, через главный вход в здание можно попасть, только если ты невидимка. Поэтому я, как обычно, пролез через дыру в рабце. Зацепившись рюкзаком за край, я тихо выругался, дернув и услышав треск ткани. Отлично.

Фонарь выхватывал из темноты лишь отдельные фрагменты. Старые трубы уходили вверх и терялись под потолком. Оборванные кабели свисали черными петлями, и каждый раз, проходя под ними, приходилось нагибаться. Где-то в

глубине здания размеренно разбивались о землю капли воды, и эхо разносило этот звук по пустым цехам. Пол под ногами хрустел битым стеклом и какой-то трухой, которую сюда нанесло ветром за годы.

Я быстро поднялся на второй этаж административного корпуса. На стене меня уже несколько дней ждал незаконченный кусок. Никто не закрасил — и на том спасибо. Осталось добавить объем, расставить блики и добить фон.

Поставив рюкзак на пол, я надел респиратор. Резинка привычно натянулась на затылке, пока я доставал серебристый баллон.

Встряхнул. Металлический шарик внутри бодро застучал о стенки. Шипение краски мгновенно разнеслось по огромному пустому помещению. Этот звук всегда меня успокаивал.

Белая обводка. Пара голубых бликов — и буквы сразу ожили.

Я отошел на несколько шагов и прищурился. Почти. Осталось сменить цвет. Я уже потянулся к рюкзаку, когда со стороны лестничного пролета услышал тихий женский голос.

Палец медленно соскользнул с кэпа, и я прислушался. Голос исчез так же внезапно, как появился. Вокруг снова стало тихо. Только где-то в глубине здания размеренно продолжали стучать капли воды и от этого тишина казалась еще тяжелее. Она давила на уши, позволяя услышать бешенный стук собственного сердца в груди.

Через несколько секунд женский голос прозвучал вновь. Теперь совсем близко.

Вытащив из уха наушник, в котором еле слышно бубнили басы, я выключил фонарь. Темнота сразу накрыла помещение. Губы под респиратором мгновенно стали влажными, когда я попытался дышать тише.

Нет. Не показалось. Кто-то поднимался по лестнице. Шаги были осторожные, почти крадущиеся.

— Сейчас посмотрим второй этаж...

Голос звучал спокойно, будто человек разговаривал сам с собой. Или... Со стримом. Я знал эту интонацию — монотонную, чуть растянутую, с этими бесконечными паузами на донаты.

— Да ладно...

Шаги становились все ближе. Луч чужого фонаря мелькнул в дверном проеме, скользнул по полу и медленно пополз вдоль стены.

Ждать я не стал. Резко включил фонарь и направил луч вперед. Из-за угла тут же вынырнула девушка с телефоном на вытянутом штативе. Ее фонарь дернулся, свет заметался по стенам.

— А-а-а!

Она вскрикнула так громко, что эхо прокатилось по пустым этажам. Отшатнулась, прикрыла рот рукой, хотя он уже был скрыт балаклавой, и едва не выронила телефон.

Я отвел фонарь в сторону. Сердце грохотало где-то в гор-

ле, но я старался выглядеть так, будто ничего особенного не произошло.

Передо мной стояла девушка в черной балаклаве с острыми ушками, объемной черной куртке и с сумкой, размером с половину ее самой. Как она вообще с такой тяжестью по лестницам лазает — загадка.

В одной руке — телефон, в другой — фонарь. Лица не было видно, но глаза я узнал сразу. Ярко-зеленые. Даже в полумраке они светились, как две маленькие новогодние лампочки. Точно она — Лусс.

Где-то этажом ниже с оглушительным грохотом захлопнулась тяжелая металлическая дверь. Звук прокатился по заброшенному зданию, будто выстрел, стены отозвались гулким эхом. Я почувствовал, как пол под ногами едва заметно вибрирует.

На несколько секунд повисла тишина. А потом снизу раздался мужской голос:

— Эй! Кто там?!

Я тихо выругался себе под нос. Мой взгляд медленно скользнул к лестничному пролету, откуда доносился голос.

— Отлично...

Еще один крик ударил по пустым коридорам:

— Стоять! Я вас видел!

Охранник.

— Черт... — девушка моментально побледнела.

Мгновение и мой рюкзак уже висел на плече. Балло-

ны глухо звякнули внутри, когда молния одним движением закрыла основное отделение. Девушка словно зависла, так и оставшись стоять с поднятым телефоном, уткнувшись в экран.

— Че застыла?

— Подожди... — тихо сказала она, глядя в экран.

Она быстро тыкала пальцем по телефону, словно искала нужную кнопку, но руки заметно дрожали. Как и на том видео, которое я видел сегодня. Никакой стрессоустойчивости.

Металл лестницы гремел под ботинками охранника. Каждый такой звук бил уже и по моим по нервам. Я больше не думал — шагнул вперед, схватил ее за запястье и дернул на себя.

Снятый со штатива телефон чуть не выскользнул из рук, так, что она едва успела поймать его, на автомате сунув в карман толстовки. Мы одновременно сорвались с места.

— Стоять! — Эхо подхватило голос охранника и несколько раз швырнуло его по пустому зданию.

— Быстрее! — бросил я, перепрыгивая через развалившийся бетонный блок.

Нырнув в соседний цех и почти вслепую понеслись между колоннами. Под ноги приходилось смотреть каждую секунду — под подошвами хрустело битое стекло и мелкие осколки плитки, пыль поднималась такими клубами, что приходилось жмуриться. Один неверный шаг, и все. Симулятор Subway Surfers, запнешься и охранник поймает тебя за

шкирку, только собаки не хватает.

— Ты же профессионал вроде! — крикнул я на бегу. — Чего зависла?!

Она не ответила. Только тяжело дышала и пыталась не сбавлять темп. Через пару метров, ее ботинок зацепился за торчащий кусок арматуры. Девчонка качнулась вперед, едва не вписавшись лицом в бетон, но острый локоть той уже оказался в моей руке.

— Потом падать будешь!

Лусс зло выдохнула, стиснув зубы и снова сорвалась с места. Телефон видимо, заметно мешал ей при каждом шаге, а голос охранника за спиной становился все глуше. Еще немного — и впереди наконец показался свет.

— Сюда!

За проломом в стене скрывался старый технический выход. Сквозь выбитые окна лился свет луны. Внизу, на потрескавшейся бетонной площадке, заросшей сорняками, валялись ржавые листы железа, разбитые ящики, и прочий строительный мусор. Жаль паркуром не увлекался, с такой высотой без подготовки — ноги можно оставить там же.

Сзади уже гремели шаги. Быстро. Слишком быстро.

Рюкзак первым перелетел через край и с глухим ударом рухнул на бетон. Ладони легли на холодную кромку стены. Подтянуться, перекинуть ноги наружу. Теперь тело висело над пустотой, удерживаемое только пальцами. Бетон больно впивался в кожу, кроссовки скребли по стене в поисках опо-

ры, но под ними был только воздух.

Пальцы разжались сами.

Казалось, приземление будет мягче. Ноги приняли вес, колени тут же подогнулись, удар прокатился через голени в спину. На секунду в глазах потемнело, но равновесие удержать удалось. Взгляд сразу метнулся вверх.

— Давай! — крикнул я, вскинув руки. — Прыгай!

Она появилась в проломе и застыла. Заглянула вниз, потом снова на меня. Ссыкуха.

— Не думай! Давай!

Она осторожно села на край, развернулась спиной и начала спускаться на руках. Носки кроссовок скребли по стене, пытаюсь найти хоть какую-то опору.

— Ниже не будет... — Нога соскользнула. Потом сорвалась и вторая.

— Черт!

Она вскрикнула и полетела вниз. Едва успев шагнуть вперед, подхватил ее под руки, нас обоих качнуло назад. Подошвы проехали по пыльному бетону, но устоять не получилось. Еще секунда — и мы сидели на земле, стараясь отдышаться.

Резкий свист разрезал тишину. Из-за угла корпуса уже выбегали двое охранников.

— Вон они!

Один взгляд по сторонам — и все стало понятно. До гаражей пятьдесят метров открытого пространства. Их там

немного, спрятаться не получится. Они увидят нас обоих.

— Разделяемся. Ты уже выдохлась. Видишь гаражи? — ткнул пальцем в сторону. — Прорвешься через них и выйдешь к дороге. Они побегут за тем, кого увидят первым.

— А ты?

— А я пошумлю. Будешь должна, Лусс.

Она на секунду задержала взгляд. Видимо, не ожидала. Будто хотела что-то сказать, но вместо этого только коротко кивнула и сорвалась с места. Я даже успел поймать ее реакцию. Забавно.

— Эй! Жирный! — Теперь моя очередь. Голос звучал звонче, чем я ожидал. — В одного уже не справляешься?

Адреналин — дикое удовольствие. Чем опаснее ситуация, тем сильнее хочется рисковать.

Дверь ближайшего корпуса была открыта. Проскользив по бетону кроссовками, я забежал внутрь. Дверь сзади меня хлопнула. Повелись.

Если честно, чувствовал себя героем. Девушкам помогать приятно, а популярным стримершам — вдвойне. Надеюсь, она напишет обо мне хвалебный отзыв в своем канале.

Я неся по пустому корпусу, почти не разбирая дороги. Сзади неслись тяжелые шаги, ругань и сбившееся дыхание охранников. Они уже не кричали «Стоять!», просто ломились следом, как два разъяренных быка.

Сердце колотилось так, что заглушало собственные мысли, легкие жгло, но останавливаться было нельзя. Впереди

показалась лестница. Перепрыгивая сразу через две ступеньки, влетел наверх, проскочил длинный коридор, плечом распахнул железную дверь и оказался в другом крыле завода.

Здесь было темнее, прохладнее и тише. Только эхо собственных шагов носилось под потолком. На бегу оглянулся. Никого. Значит, либо отстали, либо выскочат из-за ближайшего угла.

Липкий страх и восторг — давно такого не было, как первая кража в супермаркете, так же бежал, не оглядываясь.

Свернул еще раз, к лестнице, и спустился обратно на первый этаж. Где-то далеко еще слышались голоса, но уже непонятно, с какой стороны. Можно было выдохнуть, но не мог — во рту пересохло так, что язык прилипал к небу.

Вылез в выбитое окно и пошел вдоль забора, пытаюсь найти место, где проволока была отогнута.

Аккуратно светя фонариком на телефоне, выбрался на тропу и пошел домой. Ноги гудели. Зарядки оставалось шесть процентов. А еще до жути хотелось жрать.

Глава 5.

BBimp: Че происходит?

BAGUVIX: КТО ЭТО?????

Zdkkln: Бегу!

Я даже не успела понять, что делаю. Резко развернулась, едва удержав равновесие на влажном бетоне, и сорвалась с места. Кроссовки противно чавкнули, когда я наступила ими в лужу, оставив за спиной грязный всплеск. Телефон в руке трясся так, что картинка в углу экрана наверняка превратилась в размытое пятно — уродство, а не стрим. Ну и пофиг, сейчас не до качества.

Впереди, куда указал мне парень, за темными полосами деревьев, начинались гаражи. Трава замедляла бег, под ногами хлюпала мокрая земля и я несколько раз чуть не поскользнулась на гнилых превратившихся в кашу листьях. Ветки хлестали меня по лицу и рукам, цеплялись за капюшон, но я даже не пыталась увернуться — просто бежала, низко пригнувшись, чтобы не выбить себе глаз случайным сучком. Горло жгло, челюсть сжималась так сильно, что во рту появился противный металлический привкус. Последствия раннего курения давали о себе знать.

Вот так и помирают стримерши, а зрители наверняка уже строчат в чате, что все это фейк и постановка.

Katrsis: Вырубай

Se_nya: Мы сейчас смотрим как ты убегаешь или что???

DJ_anutik: Пусть это не заканчивается

Вылетев из леса, я метнулась за ближайший гараж, прижимаясь спиной к холодному ржавому железу. На то, чтобы восстановить дыхание и не задохнуться мне понадобилось добрых десять минут. Легкие хрипели, как старый трактор, и каждый вдох давался с трудом. Опустив голову вниз, я уперлась ладонями в колени, чуть не выронив телефон. Пот липкой пленкой покрыл лицо под балаклавой.

Стрим, судя по горящей иконке, все еще продолжался. Я выпрямилась, заставив себя посмотреть на экран. Цифра зрителей ударила по глазам — две с половиной тысяч. Они что, все сидят и смотрят, как я тут дышу как загнанная лошадь? Комментарии в чате пролетали так быстро, что превращались в сплошной поток текста и я успевала выхватывать только отдельные фразы:

Persik: Беги, дура

Anonimus: А че она остановилась?

— Господи...

Снова посмотрев на темный проход между гаражами, а потом на экран, я подтянула съехавшую чуть в бок балаклаву обратно.

— Так, народ, я просто перевожу дух, — я старалась говорить ровно, хотя голос предательски срывался. — Ничего страшного, просто... Ну, неожиданно, сами понимаете. Не думала, что я там не одна.

Несмотря на все мои усилия, голос дрожал, и я это ненавидела. Хотелось просто вырубить трансляцию и забыть о сегодняшнем прямом эфире, как о страшном сне, но палец не слушался, будто приклеившись к экрану. В тишине, которая повисла после моего дыхания, мне послышался звук, осторожный, крадущийся: или это просто ветер гнал листву по бетону, или у меня уже паранойя. Я снова поднесла телефон к лицу и быстро проговорила:

— Ладно, пацаны, я закругляюсь. Это был самый... Экстремальный стрим в моей жизни.

Палец наконец-то оторвался от экрана, коснувшись кнопки «завершить».

Экран погас, и я выдохнула так, будто из меня выпустили весь воздух. Сразу стало тихо, только где-то далеко слышался шум дороги. Убрав телефон в карман куртки, я прикрыла глаза, чувствуя, как дрожь медленно отпускает.

Мокрая кофта под курткой противно липла к спине, джинсы были грязными по колени. Идеальный вечер.

Когда ноги перестали дрожать, я оттолкнулась от стены и побрела вдоль гаражей, ища выход к дороге.

Пытаться вставить ключ в замок в полной темноте — тот еще квест. Вечно чувствуешь себя так, будто играешь в сапера. Но вот удача — слышится противный скрежет металла, оповещающий меня об успехе. Я замираю, прислушиваясь, и только после этого медленно поворачиваю его против ча-

совой стрелки. Дверь открывается почти беззвучно. Точно так же, как и я скольжу внутрь, прикрывая ее за собой, придерживая ручку пальцами до самого щелчка — так тише.

В прихожей было темно, только уличный свет размазывал серые полосы по стенам. Делаю шаг. Затем второй, обходя тумбу, которую уже успела возненавидеть всей душой — все мои ночные вылазки сопровождалось тем, что я въезжала в нее бедром. И сегодняшняя не стала исключением: край больно впивается в ногу, я шиплю сквозь зубы, именно в этот момент, когда на кухне зажигается свет.

— Алиса! — голос матери прозвучал резко, и я вздрогнула. — Ты вообще время видела?

— Блин... — тихо пробормотала я себе под нос, медленно оборачиваясь.

Она стояла в дверях кухни, сжимая пальцами телефон так, будто хотела его раздавить. Понятно, не спала. И звонила, судя по всему. Раз десять.

— Почему ты не отвечала? — спросила мама, глядя прямо на меня. В глазах смешались и злость, и облегчение.

— Я же тебе написала, что я с Матвеем, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы просто засиделись. Извини...

Ее изучающий взгляд быстро сканирует меня на предмет синяков или запаха алкоголя. Тишина затягивается.

— Алиса... Час ночи. Я не знаю Матвея лично. Я не знаю, где ты и с кем. Ты не отвечаешь после сообщения. Вдруг с

тобой что-то случилось?

— Да что со мной могло случиться? — я сразу подняла взгляд, и голос стал громче. Слова вылетали сами, как будто я их репетировала всю дорогу домой. — Мы просто сидели у него дома. Смотрели кино. Ты же всегда говорила, что мне надо больше общаться с ровесниками, больше выходить из дома. Ну вот я и выхожу. Тебя бесит, что у меня наконец появились друзья? Могла бы хотя бы порадоваться.

Тирана, вылившаяся из меня, явно была не кстати. Мама моргнула, и я увидела, как ее лицо на секунду дрогнуло — прямо как в детстве, когда я говорила что-то обидное, а она делала вид, что не расстроилась.

— Алиса...

— Что?

Ответом послужило молчание. В груди колотилась злость, но уже не на нее, а на ситуацию — я не могла сказать правду. Не буду же я объяснять ей, что бегала по лесу. Тогда она точно запретит мне выходить куда-либо без присмотра до совершеннолетия. А то и больше.

— Не делай так больше, хорошо? — ее голос стал неожиданно мягким, почти просящим. — Я не хочу запрещать тебе куда-то ходить или с кем-то общаться. Ты вырастешь, у тебя появятся друзья, и я этому рада. Но я просто переживаю за тебя. Это не так сложно — отвечать на звонок или хотя бы написать сообщение.

Я ничего не ответила. Отвела взгляд в сторону, уставив-

шись на ту самую тумбу. Я была не права, но признаваться в этом не хватало смелости.

— Он хоть проводил тебя до дома?

— Да, мам. До подъезда.

Мама кивает, но, видимо так и не справившись с тревогой, открывает рот, намереваясь сказать что-то еще, но в конце-концов переводя тему:

— В следующий раз пригласи его познакомиться. Я хочу знать, с кем ты дружишь.

— Хорошо, — бросаю и на пятках разворачиваюсь в коридоре, устремляясь к своей комнате. — Спокойной ночи.

— Спокойной.

Едва я закрываю дверь, телефон в кармане джинсов взрывается короткой, назойливой вибрацией — кто-то явно требовал внимания. Потянувшись к нему, я почти нажимаю на кнопку разблокировки, но останавливаюсь. «Нет» цифровой зависимости.

Швыряю его на тумбочку и наконец-то осуществляю то единственное желание, преследовавшее меня весь путь до дома: стягиваю с себя эту мокрую, потную и грязную одежду. Хорошо еще, что в темноте прихожей ее не заметила мама. Куртка слетела с плеч одним движением, оказываясь на спинке стула. Джинсы полетели туда же. После чего я, уже в одном белье, пошлепала в ванную.

Выкрутив кран до упора, я подставляю лицо под струю горячей, почти обжигающей воды. Она течет по шее и спи-

не, смывая липкую испарину. Я стояла так, не двигаясь, глядя в кафель, пока сознание медленно оттаивало. Руки все еще легко дрожали — мелко, противно, будто внутри работал мотор. Наверное, сахар упал.

Вернувшись в комнату, я сразу нахожу взглядом тумбочки — телефон на ней мигал с завидной настойчивостью. Свет вырезал на потолке нервные пятна, и, продержавшись ровно три секунды, я все-таки беру его в руки. Выкрученная на полную яркость обжигает сетчатку, и я уже на автомате скольжу пальцами по экрану, понижая ее и пролистывая уведомления под стримом. Пара минут и вот я уже отправляю в канал новый пост, с глухим стуком отправляя телефон обратно на тумбочку.

«Сорри за сегодняшний стрим. Все пошло вообще не по плану. Надеюсь, следующий эфир будет без внезапных гостей, и мы спокойно порисуем :)»

Перевернувшись на бок, я вжимаюсь лицом в подушку и закрываю глаза. В темноте перед ними все еще плыли размытые пятна.

Тот райтер на заброшке назвал меня по нику? Получается он смотрел мои стримы? Видел, как я рисую? До этого я еще ни разу не встречала подписчиков в жизни, всегда пеклась о сохранении своей анонимности. Мысли путались, цепляясь одна за другую, исчезая в сером утреннем свете, который только начинал просачиваться через неплотно задернутые шторы.

Утро началось не с будильника — в голову ввинтился какой-то монотонный, вибрирующий звук, и он никак не хотел исчезать, въедаясь в сон, как комар под ухом. Первые несколько секунд я лежала с закрытыми глазами, пытаюсь понять, что это за хрень и откуда она доносится. Телефон.

Не открывая глаз, рука сама тянется в сторону прикроватной тумбочки. Экран каждые пару сегодня загорался белым, и уведомления сыпались одно за другим, заполняя весь дисплей, будто там открылся шлюз.

Новые подписчики, лайки, отметки, репосты, комментарии — и донаты, донаты, донаты, цифры мелькали, сменяли друг друга, и в груди что-то екнуло, но не от радости, скорее от непонимания, потому что вчерашний стрим был провалом, побегом, истерикой, а не контентом для вирального успеха.

— Чего?.. — вырвалось хрипло, и сон слетел мгновенно, как будто кто-то щелкнул выключателем. Резко сев на кровати, я откидываю одеяло в сторону, касаясь ногами холодного пола, открывая статистику канала.

Цифры росли в реальном времени, прыгали вверх с каждой секундой, и я не верила своим глазам, перезагружая страницу несколько раз.

— Да вы издеваетесь... — тихий смех сам вырвался из горла — нервный, все еще не верящий в происходящее.

— Алиса! Ты проснулась? — голос мамы заставил меня

вздоргнуть, и я быстро отложила телефон на кровать, будто меня застукали за чем-то постыдным.

— Да, сейчас выйду!

Сорвавшись с кровати, я провела ладонью по спутанным волосам, попытавшись пригладить их, но они торчали в разные стороны, как солома. Поняв, что без расчески это невозможно, я вздохнула, направившись на кухню.

Мама уже стояла у стола, держа кружку с кофе в руке. Рядом на столешнице лежали ключи и телефон. Она одновременно проверяла что-то в экране и завтракала.

— Доброе утро, солнышко. Ты как? — взгляд скользнул по мне — внимательный, изучающий, как рентген. — Не выспалась?

— Доброе. Ты тоже, смотрю, не спала? — буркнула я в ответ, и потянулась за чайником, чтобы налить себе горячей воды.

Экран вновь мигнул, заставив меня отвести взгляд отвести взгляд. Сверху — значок почты, а под ним в просмотре обрубков текста: «Думала, что можешь скрыть свою...». Я нахмурилась.

— Ты чего? — мама, стоявшая рядом, тоже перевела взгляд на мой телефон.

— Да спам, — я быстро перевернула телефон экраном вниз и пожала плечами. — Ничего такого. Реклама какая-то. Иди уже, опоздаешь.

— Да, я побежала. Люблю тебя.

— И я тебя.

Мама уже щелкнула замком и скрылась за дверью, оставив после себя легкий запах духов. Хлопнула дверь, щелкнул замок, шаги затихли на лестнице.

Я снова взяла телефон. Разблокировала. Открыла почту, которая была указана в моем описании профиля для сотрудничества. Письмо без темы, адрес отправителя — бессмысленный набор символов, будто кто-то натыкал с закрытыми глазами. На экране — несколько строк:

«Думала, что можешь скрыть свою личность? Скоро все узнают, кто ты на самом деле, Lyss».

Прочитала один раз. Второй. Третий. Слова не менялись. Они въедались в мозг, как заноза. Я уставилась на подпись внизу — мой стримерский ник.

— Делать нечего? — слова застряли где-то в горле. — Фигня какая...

Дорога до школы сегодня тянулась бесконечно — ноги будто на автопилоте сами двигались привычным маршрутом. Сворачивали в нужных местах, проходили мимо тех же деревьев, пока мой взгляд скользил мимо, ничего не цепляя.

Эти слова из письма никак не выходили из головы. Что именно они узнают? Что я рисую по ночам на заброшках? Задеанонят? Ладно, может просто кто-то прикалывается.

У школьных ворот уже собралась компания — старшаки, как по расписанию. Матвей, зацепившись руками за верх-

нюю перекладину ворот, лениво раскачивался, как на турнике, болтая с парнями. Он толкнулся носками кроссовок от земли и снова качнулся, когда его взгляд зацепился за меня.

— О, Алиска!

Парень соскочил с перекладины и, приземлившись с глухим стуком, подошел ближе. Несколько секунд он смотрел пристально, вглядываясь в мое лицо, и нахмурился, сдвигая брови к переносице.

— Ты чего такая?

— В смысле? — задав вопрос, я поняла, что не улыбнулась даже ради приличия.

— Ну... выглядишь как-то... отстойно.

— Спасибо, Матвей.

Не сбавляя шага, я прошла мимо ворот, чтобы не дать ему времени завалить меня вопросами.

— Пацаны, ща, — я услышала за спиной его голос, обращенный к ребятам. А через пару секунд шаги Матвея застучали рядом. — Эй, че с настроением?

Я не ответила, но и он не отстал, идя рядом молча и только изредка здороваясь со всеми, кто попадался на пути, словно высокопоставленный дипломат. Уже на пороге школы телефон кармане коротко завибрировал, я машинально достала его.

2 непрочитанных уведомления.

Link

Mariaaaa_Volkova: Я посмотрела нарезки.

Mariaaaa_Volkova: Что случилось?

Уже собиралась открыть переписку, но рядом тут же возник Матвей, а я поняла, что забыла поменять аккаунт на «школьный». Я шумно выдохнула, заправляя выбившуюся прядь за ухо и подняла взгляд, прижимая телефон к груди, будто он мог выскользнуть и выдать все мои секреты.

— Ну? — протянул Матвей, и в голосе проскользнуло любопытство. — Что там?

— Не подглядывай, — я ответила резче, чем планировала, но он только усмехнулся, поднимая руки вверх — жест полной капитуляции.

— Ладно, не хочешь — не говори.

Вестибюль школы встретил нас привычным утренним шумом: громкий смех у входа, переговоры через весь коридор. Гул накатывал волнами, смешивался с топотом ног и хлопками дверей. До звонка оставались считанные минуты.

Матвей подошел к раздевалке, стянул куртку, повесил на крючок — даже не глядя — поправил лямку рюкзака и направился в сторону кабинета литературы, не дожидаясь меня. Даже не обернулся. Обиделся что-ли? Я задержалась всего на секунду, убирая телефон в карман и догнала его уже у лестницы.

— Подожди, — я окликнула его, потянувшись к лямке рюкзака, но хватая пальцами воздух. — Лучше расскажи, как твои вчерашние дела?

Матвей остановился, усмехнувшись, и засунул руки в кар-

маны своих безразмерных штанов — они висели на нем мешком, и я каждый раз удивлялась, как они вообще держатся на его бедрах.

— Мои вчерашние дела назвали меня козлом, — произнес он, выдерживая небольшую паузу. — А потом дела меня бросили.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, шутит он или действительно вчера пережил какую-то драму.

— Сочувствую.

— Не стоит, — парень безразлично пожал плечами. — Мы не встречались.

На секунду я зависла, а потом выдохнула — смех вырвался сам, и прозвучал в пустом коридоре почти эхом. Я почувствовала, как напряжение, которое держало меня всю дорогу, немного ослабло. Матвей довольно хмыкнул, заметив мою реакцию, будто это и был его главный план на все утро — добиться, чтобы я улыбнулась. Он толкнул дверь кабинета и, сделав шаг в сторону, пропустил меня вперед.

— Прошу.

В кабинете гудело привычное утреннее месиво, в котором каждый был занят своим делом. Подойдя к нашей парте у окна, я поставила сумку на пол, извлекая из той тетрадь и пенал. На их место кладу в нее телефон, стараясь запихнуть его как можно глубже — подальше от глаз и собственных рук, которые так и тянулись проверить охваты. Матвей плюхнулся рядом, откидываясь на спинку стула и закидывая ногу на

ногу.

Наше появление заметила Вика. Она стояла у соседней парты с кучкой одноклассниц, что-то оживленно рассказывая и жестикулируя. Направив взгляд в нашу сторону, она на секунду запнулась и, улыбнувшись подругам, быстро закончила разговор, направившись к нам, огибая парты других одноклассников.

Матвей тоже заметил ее приближение, и его расслабленная поза мгновенно сменилась: он выпрямился, поправляя бандану на голове. Я чуть не рассмеялась, вспоминая наш вчерашний разговор, но сдержалась, переводя взгляд с него на Вику.

— Слушайте, — начала она, остановившись возле парты и опершись рукой о спинку соседнего стула. — Привет... У меня сегодня родители на дачу уезжают. Вечером собираемся у меня.

Ожидая хоть какой-то реакции, девушка замолчала и посмотрела на меня.

— Приходите? Ты тоже тоже приходи, Алиса, ладно? — Вика улыбнулась уголками губ и на ее щеках показались ямочки. — Правда. Буду рада.

— Хорошо... Спасибо, — я кивнула, стараясь скрыть собственное удивление.

Вика повторила мой жест и тут же развернулась к своей парте, оставляя нас в повисшей тишине. Матвей молчал — я чувствовала его взгляд на себе, и, когда повернулась, на его

лице мелькнуло искреннее удивление.

— Что? — спросила тихо, нахмурившись. — Это ты ее попросил?

— Нет, конечно, — парень пожал плечами и откинулся обратно. — Я сам не ожидал.

Мне хотелось что-то ответить — пошутить про его дурацкую бандану или про то, как он распетушился, когда к нам подошел объект его обожания, но в этот момент по классу разнесся звонок. Противный и пронзительный, заставивший все разговоры стихнуть, а учеников рассестись на свои места. Следом открылась дверь кабинета, и Ольга Сергеевна вошла с большой стопкой тетрадей и журналом, прижатыми к груди, как щит.

— Доброе утро, класс.

— Доброе утро, Ольга Сергеевна, — грянуло почти хором.

Она положила тетради на стол, поправила очки и уселась на свое кресло, отмечая отсутствующих.

— Надеюсь, сегодня вечером я тоже буду занят, — Матвей наклонился ко мне — близко, так что я чувствовала запах его жвачки, мятный и навязчивый.

Я уставилась на него, переваривая сказанное, а потом, когда смысл его слов дошел до меня — смех вырвался наружу. Я прикрыла рот ладонью, чтобы не выглядеть совсем идиоткой, но это только сильнее смешило.

— Голову помой, — выдохнула я наконец, вытирая слезы

с уголков глаз. — У тебя больше шансов будет. После стольких-то лет.

В классе сразу стало чуть тише и я почувствовала, как несколько взглядов уперлись на нас. Смех мгновенно угас, сменившись легким смущением. Выпрямившись за партой, я попыталась сделать серьезное лицо, но уголки губ все еще подрагивали.

Ольга Сергеевна тяжело вздохнула — человек, который видел такое тысячи раз уже не удивляется — и перевела взгляд на доску, где с прошлого урока остались бледные записи мелом, стертые наполовину.

— Орлова, раз уж у нас сегодня так много разговоров, будь добра, сходи помой тряпку для доски.

— Хорошо, извините.

Подхватив кусок ткани, я пулей вылетела из кабинета, сжимая ее в пальцах. Судя по исходящему запаху ей было лет сто, не меньше. Уже за дверями кабинета, я сбавила шаг: хотелось оттянуть время возвращения. Уже почти дойдя до туалета, я краем глаза выхватила его.

Егор. Он сидел на подоконнике в конце коридора. Закинув ногу на ногу, он держал телефон в руках. Запутанные проводные наушники, да и в целом весь его внешний вид буквально кричали: «Я не такой как все». Словно он пришел сюда не урок прогуливать, а позировать для какой-то концептуальной фотосессии. Такой сосредоточенный, отстраненный, с легким прищуром — красивый. Сейчас я бы не

стала спорить с Матвеем.

Он посмотрел в мою сторону. Я улыбнулась ему — чисто машинально, уголками губ. Жест вежливости. По его лицу пробежало что-то — то ли судорога, то ли попытка вспомнить, — а потом брови съехались к переносице. И взгляд стал другим... оценивающим. Он смотрел на меня пару секунд, будто пытаюсь вспомнить, а затем уткнулся обратно в экран.

Я нахмурилась и зайдя в туалет, включила воду, подставляя тряпку под струю. Пока с нее стекала грязная вода, я выжимала ее снова и снова, прокручивая в голове только что происшедшие события.

Я ожидала чего угодно, но не такого выражения лица и полного игнора. В нем читалась буквально смесь брезгливости и усталости. Серьезно? Ему даже улыбнуться в ответ сложно? В очередной раз сжав мокрую тряпку, я почувствовала, как вода просочилась между пальцами и закапала на кроссовок, оставив мокрые крапинки.

Придурок.

Выйдя из туалета и даже не обернувшись — дверь с мерзким скрипом захлопнулась за моей спиной. Шаги гулкие, мысли злые, застилающие все вокруг плотной пеленой. Ну и день сегодня.

Уже в кабинете, я подошла к доске, бросив эту чертову тряпку на подставку и рухнула на свой стул. Матвей даже спрашивать ничего не стал — мельком глянул на лицо и ви-

димом сразу все понял. У него на такие вещи нюх, как у собаки на запрещенку.

— Твой Егор либо строит из себя дохрена загадочного, либо я ему чем-то не понравилась, — все-таки изрекла я, без предисловий, стягивая резинку с волос и снова затягивая, чтобы занять руки. — Чем я могла ему не понравиться? Мы с ним даже не общались!

Брови парня поползли вверх, он откинулся на спинку стула и смотрел так, будто ждал развязки любимого сериала.

Я резко выдернула тетрадь из-под пенала — тот отъехал в сторону, чуть не скинув учебник на пол, и открыла на первой попавшейся странице.

— Он опять со мной не поздоровался, — продолжила я. Мой голос прозвучал глухо, ручка замерла в пальцах.

— Серьезно? — усмехнулся Матвей, и в этой усмешке было столько понимания, что злость почти улетучилась. Почти...

— Мы встретились в коридоре, я улыбнулась ему, а он посмотрел так... высокомерно, — ручка в пальцах задергалась сама собой, колпачок нервно защелкал по краю тетради, выбивая дробь. Матвей аккуратно выхватил ее у меня из рук. — Не то чтобы я ему в подружки набиваюсь, но это просто некрасиво.

— Ну, знаешь... — протянул Мотя, почесав подбородок. — Он наверняка был погружен в свои загадочные и неприступные мысли, а ты просто случайно нарушила его внутрен-

ний покой своим дружелюбием. Забей.

Наверняка, единственное, что скрывалось за его загадочным фасадом — это стандартный стартовый набор кретины: комплекс неполноценности, желание самоутвердиться за счет кого-то, и, вероятно, отсутствие эмпатии.

— Эдвард Каллен сраный, — я закатила глаза так сильно, что на секунду, кажется, увидела собственный мозг.

Матвей расплылся в улыбке, наслаждаясь произведенным эффектом и отвернулся к своей тетради, где вместо конспекта он вырисовывал гигантского бесформенного монстра.

Ольга Сергеевна монотонно бубнила что-то о функциях и их графиках, мел противно поскрипывал по доске, выписывая очередную никому не нужную параболу.

Я открыла учебник, подняла его край на пенал, надежное укрытие от ее рассеянного взгляда. Аккуратно выудив телефон из сумки, я оглянулась — Ольга Сергеевна все еще старательно выводила мелом оси координат, высунув кончик языка от усердия. Палец скользнул по экрану и в глаза сразу ударила полоска новых сообщений, зависших в чате.

Link

Mariaaaa_Volkova: я видела нарезки.

Mariaaaa_Volkova: что случилось?

Пальцы бесшумно застучали по экрану.

LYSS: Мааа, давай после школы созвонимся?

LYSS: Я все расскажу.

Ответ прилетел почти мгновенно, будто она держала те-

лефон в руках и ждала:

Mariaaaa_Volkova: да, давай

Mariaaaa_Volkova: после трех буду дома

И следом — стикер. Какой-то котенок с выпученными глазами.

Сворачиваю диалог. Интерес победил мою гордость и я, убедившись, что Мотя не подглядывает, начала искать аккаунт Егора в Линке.

Найти его оказалось не так легко. По имени в подписках мне ничего не выпадало и фамилии его я не знала. Нашла только по отметке на фотографии, пролистав постов сто Матвея.

Конечно. Аккаунт пустой, а на аватарке черный круг.

Экран погас и телефон отравился обратно в сумку, пока Ольга Сергеевна не развернулась на каблуках и не обвела класс своим коронным «всем понятно?», за которым обычно следовала тишина и дружное кивание.

Домой я летела, будто за мной гнались черти. На деле все было хуже: за мной гналось желание выговориться своей подруге.

Уже привычным жестом в прихожей сумка сползла с плеча и приземлилась на пуфик — тот жалобно скрипнул. Ноутбук на колени, крышку вверх, пальцы уже шарят по тачпаду, будто сами все помнят. В груди колотится, в висках стучит, такое чувство, что сейчас лопну, если продолжу молчать.

Маша — это святое. Единственный человек, который застал меня еще до всей этой стримерской движухи. Она знала меня просто Алисой.

Мы познакомились в седьмом классе, когда я после развода родителей перевелась в новую школу. Маша просто под села в столовке, молча сдвинула свой поднос ближе к моему и выдала: *«Тут кормят как в тюрьме, привыкай.»*

С ней было кайфово, легко, весело. Она никогда не лезла с этими дурацкими «ты как?», не пыталась обнимать и гладить по голове, просто была рядом — и этого хватало за глаза.

Звонок начался еще до того, как я успела отдышаться. Гудки — раз, два, и экран моргнул, застыл на секунду пикселями, следом за которыми появилось Машкино лицо.

— Привет! — подруга сщурилась в камеру.

— Привет, — я улыбнулась в ответ.

— Ну че там? — она наклонилась к камере, прищуриваясь еще сильнее. — Не успела переехать, а уже по карнизам шастаешь?

В Москве Маша была моим личным штабом: мы обшаривали вместе заброшки, проверяли локации, чтобы не провалиться и не застрять где-нибудь в подвале с мертвым телефоном. Она модерировала за меня чат, разбирала комментарии в три часа ночи, хотя у самой уже слипались глаза.

Она одна знала изнанку моих стримов. И после переезда без ее помощи у меня буквально опустились руки. Здесь мне не с кем было трепаться про новые места. Да и нельзя по

большому счету, если не хочу, чтобы меня спалили. А напрягать ее специально у меня не хватало наглости. В Москве это как-то само выходило, органично, а теперь у Машки свои дела, новые отношения, и втягивать ее в эту кашу как-то некрасиво.

— Видела нарезки со стрима, — продолжила Маша с улыбкой, и ее глазки хитро блеснули. — Уже с каким-то парнем бегаешь. Я смотрю, у тебя там целая новая жизнь.

— Ты чего? Конечно нет, — я усмехнулась и закатила глаза, отмахиваясь. — Я все сама делаю.

— Да ну?

Я пожала плечами, посмотрев в сторону, где валялась куртка после моего прихода. Нет, поднимать ее все равно не буду.

— Пришлось.

Маша хмыкнула, почесала нос и придвинулась ближе, упираясь локтями в стол.

— Так что вообще вчера произошло?

— Я не знаю, что это было. Все началось как обычно. Я зашла в здание, снимала, искала место... И тут в меня внезапно пацан светит фонарем, — я поморщилась, передернув плечами, вспоминая тот луч света, что ударил прямо в зрачки. — Я от испуга заорала и за нами побежал охранник.

Маша внимательно слушала, не перебивая. Только пальцем водила по краю кружки.

— Я пересматривала нарезки, — я продолжила. — Там не

слышно было всего. Он мне сказал: «Будешь должна, Лусс». Он меня узнал!

Я заметила, как Маша улыбнулась, прикрыв рот ладонью.

— Что смешного?

— Мне смешно, что все коверкают твое имя.

Я закатила глаза. Ник у меня вроде бы простой: от Алисы, короткий и звучный. Но все читали его через «У», потому что аналогичная буква на английском для них почему-то автоматически превращалась тоже в этот звук. Поначалу меня это вымораживало. Я постоянно поправляла, потом привыкла.

— Может, он стрим-сталкер и специально тебя отслеживал?

Я задумалась, потирая переносицу и пытаюсь сложить этот дурацкий пазл.

— Но как? Я никогда не говорю заранее, куда собираюсь. Только когда уже на месте и то без уточнений. Все заброшки со стороны выглядят одинаково — серые коробки с выбитыми окнами, что в Москве, что в Верске. Тем более это новый город, я здесь вообще никого не знаю, и он не должен был знать, где меня искать, — я покачала головой из-за чего волосы упали мне на лицо. Сдуваю их и добавляю уже тише:

— Наверное, просто случайно оказались в одном месте.

— Ну да, — Маша пожала плечами. В ее голосе проскочила та самая неуверенная надежда. — Если он тоже райтер, то, скорее всего, часто бывает в таких местах. Так что и

правда, мог просто нарваться на тебя случайно.

— Он мне помог убежать. Слышала потом, как он что-то крикнул, и рванул в другую сторону. Но до сих пор не могу отделаться от ощущения, что он знал, что я там буду, что он ждал.

От этой мысли как-то стремно, и это «Будешь должна»... Это угроза? Или обещание? В голосе не было злобы, скорее какая-то странная уверенность. Жуть.

— Надеюсь, он не фанат-психопат и не будет тебя сталкерить, — Машка на том конце задумалась, я видела, как она почесала затылок под капюшоном, откинувшись на спинку стула, перевела взгляд в бок, обдумывая, потом снова посмотрела в камеру. — Фанаты обычно хотят внимания, а этот тебя отпустил ничего не попросив — это странно. Может, просто хотел пошутить, проверить, как тыотреагируешь.

— Может это он прислал мне письмо? — в голове щелкнуло.

— Письмо? Какое письмо? — Маша сразу подняла взгляд. В ее взгляде читалась растерянность, когда она наклонилась к камере.

— Утром на стримерскую почту пришло сообщение. Включив демонстрацию экрана, я свернула вкладку и открыла почту.

— А там вот это, — я снова пробежала глазами по строчкам, выделяя их курсором:

«Думала, что можешь скрыть свою личность? Скоро все

узнают, кто ты на самом деле, Lyss».

— Что это вообще значит?

— Да, может, шутка просто.

— Не знаю... — я покачала головой.

— Заблокируй, удали и забудь. Я думаю, это школьники с ума сходят.

— Так и сделаю. — я выдохнула, и, вспомнив, какой ажиотаж вызвал последний стрим, мой голос сорвался на смех, внутри все кричало от возбуждения. — Ты видела какой актив? Столько людей на стриме было...

Заправив выбившуюся прядь за ухо, я нажала на тачпад, разворачивая статистику. Циферки в ней были такие, что аж дух захватывало.

— За ночь на меня подписалось почти четыреста человек. Представляешь? Четыреста! И еще задонатили просто дохрена — я теперь наконец-то смогу купить нормальную камеру.

Я же уже открыла было рот, чтобы про камеру, которую присмотрела в интернете, когда взгляд зацепился за край экрана. В нем всплыло уведомление из чата класса:

Link

«КринжА»

Viks: Ребят, подгоняйте к шести

ТоХХа: А какой адрес?

Viks: Лесная, 15. Там со двора вход. Этаж 3

Быстро пробежавшись глазами по переписке, я чувствую,

как улыбка сама расползлась по моему лицу. В то, что Вика пригласила меня на вечеринку мне все еще не верилось.

— Прикинь? — говорю в камеру, и голос звенит от восторга. — Девчонка, с которой я вообще почти не общалась. Ну знаешь, у нас в классе есть эта компания девочек... Они всегда вместе ходят. Как в американских фильмах — одна без другой вообще не появляется. Я была уверена, что они меня терпеть не могут. А сегодня она просто подходит ко мне и говорит: «Ты тоже приходи».

Следом новое сообщение, уже из личного диалога:

Matusha: Я зайду за тобой.

Я закатила глаза, но уголки губ сами поползли вверх. Маша на экране наклонила голову, прищурилась.

— А говоришь Матвей тебе не нравится.

— Мы просто дружим! — говорю я, пододвигаясь ближе к камере.

Маша рассмеялась, откинувшись на спинку стула.

— Я по тебе соскучилась.

— Маша-а, и я по тебе! Летом увидимся. — Я улыбнулась, но она почти незаметно покачала головой.

— Иди собирайся, — она махнула рукой куда-то за пределы кадра. — Я побегу, Саня звал на пару каток.

Она замолчала на мгновение. Я видела, как она набирает воздух в грудь, будто решается на что-то.

— И... много не пей, — выдавила она, и голос у нее стал странно серьезным.

Фраза застревает в голове, как заноза. На долю секунды улыбка сползает с лица, потому что внутри что-то екает, и из темноты памяти выныривает короткий, ослепительно яркий кадр, который я пыталась задвинуть подальше. Чьи-то смеющиеся голоса, ощущение липкого стыда, от которого до сих пор мурашки, когда вспоминаю, хотя помню только обрывки, как старую пленку, которую пересматривать нельзя. Передергиваю плечами, отгоняю это видение, и усмехаюсь, слишком громко, слишком поспешно.

— Да ну тебя, — я отмахиваюсь рукой, будто этим жестом действительно можно было смахнуть все эти странные мысли. — Все будет нормально. Сане привет.

Маша кивает и ее лицо на экране становится мягче.

— Хорошего вечера, целую!

Экран потемнел и окно видеозвонка исчезло, оставляя меня наедине с собственным отражением в черном прямоугольнике. Несколько секунд я сидела неподвижно, разглядывая себя в него — растрепанную, с красными ушами от наушников.

Взгляд опять упал на письмо. Так, нет —ничего не испортит хороший вечер. Как и сказала Маша, блокирую отправителя и удаляю сообщение. Надо решить, что надеть, а не сидеть и перемалывать странные слова.

Худи в шкафу висели вперемешку с футболками. Пара платьев пылились в углу, напоминая о детских днях рождениях и неудачных попытках выглядеть «как все девочки».

Пальцы заскользили по ткани, выдергивая то одну, то другую вещь, каждую из которых я прикладывала к груди перед зеркалом. Черная футболка с едва различимым принтом какого-то старого панк-бэнда, широкие карго, которые болтаются на бедрах — вот это мое. В этом можно хотя бы дышать, а все эти блузки с рюшами пусть висят, их время уже прошло.

Телефон на столе нервно дергается, экран вспыхивает каждые полминуты. Новые подписчики. Лайки. Сообщения в чате: мемы с моего стрима, поздравления с удачной трансляцией. Каждый сигнал отдает внутри легким электрическим щипком, губы сами расплываются в кривую улыбку, но я заставляю себя оставить его в покое. Потом. Все потом.

Волосы легким движением делятся на пряди. Пальцы ловко заплетают две тонкие косички у висков. Металлическая коробочка с побрякушками открывается ими же с тихим щелчком. Внутри, как в сундуке с сокровищами, вперемешку лежат кольца, цепочки и мелкие серьги. Пару серебристых колечек цепляю за косички. Септум, который весь день был спрятан внутри носа и раздражал слизистую, наконец занимает свое законное место. Крашу губы любимой темно-красной помадой. Последний штрих — тонкие черные стрелки. Теперь рука не дрожит, линия ложится ровно, уверенно уходит к виску, делая взгляд чуть наглее.

В телефоне, поверх всех этих лайков и уведомлений, висит сообщение на другом аккаунте.

Link

Matusha: Выходи я у падика.

Быстро набираю сообщение маме:

«Я пошла к однокласснице. Надеюсь, буду не поздно. Лю!»

Экран мигнул отметкой доставлено, после чего телефон ныряет в сумку. Рукой нащупываю ключи на тумбочке и вылетаю за дверь, даже не взглянув на свое отражение в последний раз.

На улице вечер, воздух еще хранит дневное тепло, но уже тянет прохладой со стороны пляжа. Матвей сидел на низкой металлической оградке у палисадника, лениво болтая ногой и ковыряя кроссовком асфальт. Капюшон его худи натянут чуть ли не на глаза, но, когда я выхожу из подъезда, он тут же поднимает голову.

— Ну вот, другое дело! — голос парня раскатывается по двору, он спрыгивает с оградки и делает два шага навстречу, вытягивая руки в стороны, чтобы обняться.

Я прохожу мимо, и он, не смущаясь, разворачивается и идет следом. Обходя меня кругом, Мотя прищуривается, театральнo цокая языком.

— Выглядишь обалденно, — он пихает руки в карманы толстовки. Внутри что-то звякает о металлические кольца — мелочь или зажигалка. — Короче, план такой: сегодня мы пьем так, будто завтра — конец света.

— Моть, я не пью, — мой голос прозвучал ровно. Я заглянула ему прямо в глаза, чтобы он понял: тут нечего обсуждать.

Мой максимум — один глоток из чужой пластиковой бутылки, просто чтобы попробовать, ради любопытства, и сразу вернуть. И сколько бы не смеялись надо мной на всех этих тусовках, называя «святой» или «занудой», своего правила я не нарушала. Слишком хорошо помнила момент, когда однажды потеряла контроль над собой.

— Да что ты за человек вообще? — он покачал головой, но в его голосе не было злости, скорее привычное недоумение. Сплюнув куда-то в кусты, Матвей засовывает руки глубже в карманы.

Зайдя в квартиру Вики, меня накрыло ощущение, что мы оказались в каком-то старом европейском кино. Высоченные потолки, деревянный паркет весь в царапинах, но это придавало ему какой-то шарм. Огромные окна — от пола до потолка — впускали вечерний свет, мягкий, оранжевый. Стены белые, но не пустые: яркие картины, абстракции, старые фотографии в черных рамках. В углах — здоровенные растения в горшках.

Глаза разбегались. Хотелось остановиться у каждой полки, разглядывать и трогать, стоящий на ней антиквариат. Но гостиная уже гудела и звала. Колонки выдавали знакомый попсовый трек, голоса тонули в музыке, смехе и криках. Лица одноклассников были раскрасневшимися. Каждый держал стакан в руке. Вечер явно только начинался.

Мой взгляд сам скользнул по комнате, цепляясь за мело-

чи. Тут же натыкаюсь им на парочки, занявшие самые удобные углы и сидячие места. Вот Никита из десятого «В». Тот самый, что подошел неделю назад после алгебры, улыбнулся, предложил как-нибудь прокатиться на его мотоцикле. Сейчас он развалился в кресле, о чем-то болтая с сидящей на его коленях, и обнимающей за шею, Ритой. Он потянулся к ее уху, прошептав что-то, из-за чего девушка смеется, запрокидывая голову.

Ладно. Ну... значит, не судьба. Да и плевать.

Матвей пропал почти сразу. Кто-то заорал с балкона, он поднял руку, крикнул что-то неразборчивое в ответ и растворился. Через секунду оттуда уже доносился его смех.

Я осталась одна — застыла посреди комнаты, не зная, куда приткнуться. Вокруг все уже сбились в маленькие компании. Кто-то сидел на полу, кто-то привалился к стене. Везде было занято. Поправив ремешок сумки на плече, я дернула лямку — просто чтобы занять руки. Заметив освободившееся местечко у стены, я уже хотела занять его, как до ушей донесся обрывок разговора:

— ...а он мне, типа: «Я вообще не должен был покупать тебе кофе...»

Настя резко подняла глаза, впиваясь в меня взглядом.

— О боже... Это что, новенькая? Не смотрите на нее, а то еще к нам сядет.

На секунду — тишина. Я стояла и смотрела на нее, пытаясь понять: шутит она или нет. Через мгновение девушка

начала хохотать. За ней — остальные.

Да, наверное, это очень смешно.

— Да ладно, расслабься. Это приколы, — она подскочила, схватив меня за руку и потянув к дивану. — Садись, чего стоишь?

Я села на самый край, почти на подлокотник, положив сумку на колени.

— А вы типа вместе? — не сразу сориентировавшись кто именно задал вопрос, я рассеянно скользнула взглядом по всем сидящим. Словно помогая мне, Кристина подняла указательный палец, тыкнув им в сторону балкона, где пару минут назад скрылся Матвей. Следом палец указал на меня, еще пару раз поведив туда-сюда, соединяя нас невидимой линией. — Ну... ты и Мотя?

— Что? — я нахмурилась, отмахнувшись. — Нет. Конечно нет. Мы просто...

— Мы с Мотей встречались весь прошлый год, — с совершенно спокойным видом сказала девушка, сидящая рядом с ней. — Но я вас благословляю, если что, не переживай.

Она сама же рассмеялась своей шутке, и остальные тут же подхватили смех. Я улыбнулась, но скорее для приличия. Лицо ее казалось знакомым — несколько раз пересекались в школьных коридорах, встречались взглядами, но ни разу не разговаривали. Имени ее я до сих пор не знала.

— Вообще он милый, — продолжила девушка, поправляя волосы. — Однажды устроил мне свидание на крыше дома.

Притащил плед, пищу, мы сидели и смотрели на город. Было очень романтично. Хоть и закончилось все так себе.

— Дин, — Кристина хитро щурилась. — Мне кажется, он до сих пор в тебя влюблен.

«Дина». Наконец-то имя сложилось с лицом.

— Серьезно. Егор говорил, что Мотя про тебя спрашивал.

— Не может быть, — она отмахнулась, но в уголках губ возникла довольная улыбка.

Взгляд Дины скользнул по мне.

— Слушай, ну, а кроме шуток, у тебя парень есть?

— Был, — я кивнула. — Расстались еще до переезда.

— Жаль. Ну, если захочешь снова влюбиться, лучше присмотришься к одиннадцатиклассникам, — Кристина поправила волосы, видимо не иронично гордившись своим выбором.

— У нас в параллели почти все придурки. Я не шучу.

— Да! — засмеялась Настя. — Или лучше к физруку.

— О боже, да! Виктор Сергеевич...

Девочки наперебой начали вспоминать его уроки, обсуждая его тело и смешные присказки. Спорили сколько ему лет и снимает ли он обручальное кольцо перед уроками. Слушая это, я только улыбалась, внутри понимая, почему из класса общалась только с Матвеем. Эти вечные «кто с кем» или сплетни про мальчиков — мне никогда не заходили. Вмешиваться в разговор не хотелось, да и момент для этого было не поймать. Все тут друг друга знали, понимали шутки с полуслова, имели общих знакомых. Оставалось только кивать,

показывая заинтересованность.

Матвей на балконе, явно не собирался спасать меня. Обернувшись, я увидела, как он, поставив локти на перила, что-то рассказывал парням, размахивая руками. Дина мельком проследила за моим взглядом, но тут же уткнулась в телефон.

С кухни вышла Вика с большой миской попкорна. Поставив его на столик, она подхватила с пола подушку и без церемоний втиснулась рядом со мной на диван.

— Подвиньтесь чуть, — девушка улыбнулась, поправляя подушку, которую закинула себе за спину. — Как тебе Верск вообще? Я твой аккаунт видела. Москва, наверное, в разы круче?

— Если честно... не так плохо, как я думала. Когда переждала, казалось, что привыкать придется очень долго. А потом как-то само все начало складываться.

— Повезло, наверное, — задумчиво сказала Вика. — Я вообще никогда в Москве не была. Но очень хочу туда поступить.

— На кого?

— Хочу быть актрисой. Не получится актрисой, стану моделью. — Вика даже выпрямилась. — Меня уже пару раз звали сниматься здесь. Для рекламы местного йогурта. Представляешь? Йогурта. Какой кошмар.

Раздался смех с другой части дивана.

— Не смейтесь, — она улыбнулась, в ее глазах блеснули

искорки. — Проснетесь, а я на каждом билборде.

— С клубничным йогуртом, — подначила Кристина.

— Думаю, у тебя получится, — я потянулась к миске с попкорном, закинув тот себе в рот. — Ты красивая.

— Спасибо, — Вика смущенно отвела глаза. — А ты после школы планируешь обратно в Москву?

— Думаю, да. Там все-таки возможностей больше. И университетов, и работы... Да и просто выбор больше.

— Тогда рванем вместе, — легко говорит Вика. — Одной страшно, а вдвоем почти приключение.

— Договорились, — я осмотрелась по сторонам, быстро прикидывая темы для продолжения разговора. — У вас квартира очень красивая. Необычная.

Вика усмехнулась.

— Мамуля дизайнер, поэтому дома вечно что-то меняется. А отец таскает барахло из командировок. Видишь люстру на кухне? — она кивнула в ту сторону. — Из Турции привер, из какой-то деревни. Люстру! По-моему, здесь вообще ничего друг с другом не сочетается.

— Меня обсуждаете?

Матвей ворвался в диалог и мгновенно протиснулся между журнальным столиком и нашими коленями. В руках — два пластиковых стакана. Каким-то образом сев с размаху между мной и Викторией, он даже не спрашивает, есть ли место.

— Ай! — я ткнула ему в бок локтем со всей дури. — Со всем охренел?

— А что двум девочкам еще обсуждать, кроме тебя? — Вика закатила глаза, не поведя даже бровью.

Отпив из стакана, парень тычет оба в наши стороны, чуть не пролив один на меня.

— Знал, что нравлюсь тебе, Викуль, — Матвей расплылся в улыбке. Избавившись от стаканов и придвинувшись ближе, парень закидывает руку ей за спину, даже не обращая внимания на уставившуюся на него Дину. Наглость — та еще.

Бывшая подружка Моти нервно поглядывала, то на нас, то обратно в телефон. Благославляет она, куда же. Дура, в физрука влюбляйся. Матвей — самый гигантский красный флаг.

Вика попыталась скинуть его руку с своего плеча, но парень даже не пошевелился, только ухмыльнулся. В этот момент телефон в кармане его джинсов начал вибрировать. Он достал его свободной рукой, мимолетно бросив взгляд на экран и поднеся к уху:

— Здорова, — Матвей замолчал, слушая. По лицу — ничего не прочитать. — Нет... Нет. Ага... Да, чувак. У Вики, — снова пауза. Взгляд Моти устремился в потолок. — Придешь? Да все здесь. Да, она тут. Ромыча только нет... Ага. Давай.

Снова спрятав телефон в карман, он открывает рот, видимо собираясь объяснить перед Викой, как с балкона выныривает Антон с каким-то огрызком бумажки в руке.

— Чего тухнете? — парень облокотился на дверной про-

ем. — Погнали играть.

— Во что? В бутылочку? — Настя, привстав с дивана, пересаживается ближе к краю, вертит в руках пустую бутылку.

— Ну, если ты та-а-ак хочешь целоваться... — Антон тянет слова, медленно подходит к ней. Наклоняется, смотрит в глаза, потом — на губы. Пауза намеренная, но Настя ведет себя, застывает, даже дышать перестает. — Могла бы просто мне сказать...

Он сдается, смеется и выпрямляется.

— Идиот, — фыркает Настя.

Словно по команде, все поднимаются, собирая стаканы и освобождая пространство. Встав, Матвей тянет Вику за руку — она поднимается без вопросов. Про меня опять забыл. Они уже почти вышли на балкон, как Вика оборачивается, замечая меня и кивая:

— Идем.

Я улыбнулась и быстрым шагом устремилась следом.

На балконе около пятнадцати человек толпились вокруг стола. Несколько пристроились на деревянной скамье у стены, остальные на полу, спиной к перилам. На столе — бутылки, стаканы, ручки и россыпь бумажек.

Я застыла в проходе у дверного косяка, оперевшись на него плечом. Посмотрела сверху вниз — голоса снова перекрывались, смех взрывался вразнобой, все спорили и кричали.

— Ты совсем тупой, что ли? — голос Дани перебил

остальных. — Ты должен отгадать, кто у тебя на лбу, а не чужую наклейку читать, идиот.

Тот самый баскетболист, Данил Морозов, сидел во главе стола, окруженный смятыми бумажками и ручками. На лбу уже красовалась наклейка — «Райан Гослинг», что я успела прочесть, пока он поворачивался.

Несмотря на свое показное негодование, Морозов все равно улыбался. Он взял новую бумажку, быстро написал имя очередного персонажа, перевернул и протянул следующему игроку. Только потом подняв голову, заметив нас с Викторией у входа.

— О, Алиса, привет, — мне протянули перевернутый листок. — На, клей на лоб. И тебе, Вик, держи.

Я аккуратно облизнула бумажку и приклеила на середину лба. Пальцы на секунду задержались на краешке, проверяя — держится.

В это время Антон уже вернул бумажку обратно на лоб, его очередь.

— Так, на чем мы остановились? — он задумчиво посмотрел вверх, будто надеясь увидеть ответ прямо в небе. — Я женщина и стример, да?

— Женщина и стример... — повторяет — и сам ржет, запрокидывая голову. Он обвел взглядом всех за столом, пытаясь поймать хоть какую-то подсказку. Лица вокруг оставались слишком спокойными, и это только больше его запутывало.

— Она игры стримит? — прищурился парень.

— Нет, — отвечают хором, почти слаженно.

Наклоняюсь ближе, переваливаясь через плечо сидящего подо мной парня. Ладонь упирается в спинку стула, неудобно, но видно. Бумажка у Антона на лбу, мелкий почерк, Лисс.

— Твою мать, — вырывается, еле слышно. И чувство волнения проходит, от груди к животу, холодной волной. Прикусываю губу, чтобы не сказать еще чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.